владимир некляев

Поэтическая библиотека

Серия основана в 1993 году

владимир некляев

ОКНО

стихотворения
и поэмы

Москва 2010
ВРЕМЯ

УДК 821.161.1-1
ББК 84Р7-5
Н 47

Перевод с белорусского
Людмилы Гембицкой, Вадима Кузнецова,
Юрия Кузнецова, Валентина Сорочкина,
Михаила Шелехова, Игоря Шкляревского,
Евы Эн, а также автора

Художественное оформление серии —
Валерий Калныньш

Н 47 **Некляев В. П.**
Окно. — М.: Время, 2010. — 304 с. — (Поэтическая библиотека).
ISBN 978-5-9691-0596-6

Владимир Некляев — большой поэт, который в самом начале пути, выбирая между языком отца, русским, и языком матери — выбрал материнский язык, белорусский. «Национальность, — напишет он в автобиографии, — это не столько кровь, сколько культура, в которой ты рожден и которой воспитан».

«У поэтов есть такой обычай...» — говорить правду друг другу. Вот что говорит о книге Владимира Некляева «Окно» Евгений Евтушенко: «Это сильная и чистая книга — иногда исповедальная, иногда притчево-фольклорная, но всегда полная желанием добра людям». А далее следует прямое обращение поэта к поэту с весьма нетривиальным сравнением: «У тебя такой талант, который не то что букет, а просто букетище разнообразных будущих побед, которым ты, как веником, можешь вымести немало зла с матушки-Земли». Таким талантом может гордиться Беларусь.

ББК 84Р7-5

ISBN 978-5-9691-0596-6
9 785969 105966

«ДУМАТЬ ТАК, ЧТОБЫ ВСЕ ВОЗВЫШАЛИСЬ...»

О шестидесятнике Владимире Некляеве

Недавно у одного поэта я вычитал повеселившую меня фантазию: прижизненно опароходивать своих современников. В его снах наяву величаво проплывают в виде океанских лайнеров, парусников и даже, кажется, крейсеров все его соратники по литературной тусовке, превращенные в мощную флотилию. Не хватает только атомных подводных лодок с именами поэтов. А вот когда я читал рукопись новой книги Владимира Некляева, я увидел не доходное или смертоносное плавсредство, символизирующее поэта, а, слава Богу, просто-напросто живого человека, одиноко плывущего в море. Человека, может быть, скинутого кем-то с борта, или спрыгнувшего по собственной воле — лишь бы не оставаться с осточертевшей ему командой. И теперь он плывет, выбиваясь из сил, но не сдаваясь разгулявшимся волнам и отплевываясь от масляной пленки пополам с соленой до тошноты водой, — лишь бы доплыть до родного берега.

У Некляева есть две пронзительных строки, которые могли бы стать главной темой философской диссертации, если бы у нас (я имею в виду все человечество) были настоящие философы:

Он знает слишком много, чтобы выжить.
Он знает мало, чтобы умереть.

Это и о себе, и о своем поколении, о котором, я надеюсь, ему суждено еще многое написать — и не только в стихах, но и в прозе. Он еще внутренне молод — и ему есть, что рассказать миру.

Мальчику из белорусского городка Сморгонь, сыну на все руки мастера-механика Прокопа Некляева выпала судьба родиться в СССР — в уникальном обществе, которое само себя

называло социализмом, а на самом деле стало псевдонимом гибрида государственного капитализма с замаскированной монархией и Сталиным как самодержцем. Было бы все проще, если бы население СССР делилось на тех, *кто обманывали*, и на тех, *кого обманывали*. Но многие ставшие обманывателями сначала были обмануты сами. Володя Некляев, как впрочем и я, далеко не сразу пришел к другому пониманию истории, влюбленно читая в школе наизусть вместе с белорусской классикой и «Стихи о Советском Паспорте» Маяковского, и «Думу про Опанаса» Багрицкого, и «Гренаду» Светлова. Трагедия этих талантливейших поэтов в том, что они осознали слишком поздно что петрововодкинский красный конь идеализма был, в конце концов, зауздан циниками и приучен к кровавой пище вместо пахучей свежей травы с голубыми колокольчиками. Он бил копытами, пожирая всех других породистых коней любого цвета, включая уже никого не спасающий красный цвет.

В пятьдесят шестом году, когда Хрущев впервые с государственной трибуны назвал Сталина убийцей, Некляеву было всего десять лет, и ему было трудно понять, почему были так потрясены его родители. Но позволю себе догадку, что в 1961 году, когда ему исполнилось пятнадцать, его мама, Анастасия Магер, принесла домой вышедший в «Литературке» «Бабий Яр» и дала ему прочитать, потому что это было стихотворение, которое прочли все в стране — даже у них в Сморгони. Когда я познакомился в конце шестидесятых с еще совсем молодым Некляевым, он буквально засыпал меня цитатами из поэзии шестидесятников, ища в них ответы на мучившие его внутренние вопросы. Он понял одно: Родине надо помочь — поэзией, в чье гражданское предназначение он поверил навсегда, став новым патриотом по Чаадаеву — с открытыми глазами. С неподдельным романтическим энтузиазмом, закончив техникум связи в Минске, он поехал работать по своей специальности в Сибирь, где в то время комсомольцы-добровольцы растаскивали колючую проволоку бывших лагерей, и однажды оказался на станции Тайшет, ря-

дышком с моей станцией Зима. Сейчас это невообразимо представить, но ведь и Белла Ахмадулина самым искренним образом когда-то поехала на целину. После распада СССР, ошеломившего всех, Некляев оказался в Беларуси, напоминающей одинокий советский островок с политически прямолинейной патриархальностью, с аграрными успехами, с открытым наконец-то музеем Шагала в Витебске, с процветающим там же интернациональным фестивалем песни — и с традиционным гостеприимством ко всем: от русских гостей до израильских. Некляеву и другим белорусским интеллигентам хотелось скоростного развития демократии, но это вызвало — увы! — конфронтацию с властями. К несчастью, ни белорусские власти, ни многие крупнейшие белорусские писатели не нашли общего языка как сограждане. Думаю, что негативную роль в этом сыграли и агрессивные упертые националисты, к которым Некляев не относится. Он всегда пытался объединять людей во имя взаимопонимания, а не разъединять — и много сделал для этого, став председателем Союза писателей Беларуси.

Но в 1999 году он не выдержал неумения интеллигенции подчинять свое самолюбие интересам солидарности при угрожающе нарастающей недоброжелательности бюрократии и уехал в Польшу, а затем в Финляндию. Быков, ветеран войны с немцами, парадоксально оказался сначала в Финляндии, а потом и в Германии. Владимир Некляев не мог в конце концов не вернуться — это было бы против всех его стихов и надежд, и он вернулся и слепил воедино свое намучившееся сердце, как блуждавший с ним по белу свету кусочек его родной Беларуси, с остальной родимой ему землей. Вернувшись, он привез с собой эту книгу стихов, часть которых написана в его скитаниях. Это сильная и чистая книга — иногда исповедальная, иногда притчево-фольклорная, но всегда полная желания добра людям. Она по-народному метафорична, но не опрощена до примитивизма вседоступности и одновременно не отягощена напускной элитарностью. Чего в ней нет, так это стеба и любых других причин-

далов и прибамбасов модного сейчас маргинального цинизма. Некляеву удаются и лирические мягкие миниатюры, как например, насквозь просветленное нежностью крошечное стихотворение о женщине, моющей окно, и резкие, ошарашивающие такой редкой в нынешней поэзии страстностью поэмы. Такие, как «Маланка». У Некляева воспевается не геройская «упертость» славянского характера в его радостной готовности в кого-то ткнуть пальцем: вот кто виноват! — а благословенная упертость в замораживании собственного пальца, чтобы не опустить его вниз патрицианским высокомерным движением, требующим гибели гладиатора. Во многих стихах он застывает в прекрасной нерешительности назвать повинным во всем неповинного...

Книга, может быть, порой, слишком грустная? Но высказанная боль — это пуля, которая уже просвистела мимо твоего виска. Произнесение — это все-таки это лучший способ вывести грусть из души, избавиться от нехороших подсказок забравшегося иногда в нас заранее разочарованного всем на свете человечка. Я заметил, что даже когда у Некляева улыбается лицо, глаза не улыбаются. Но это вовсе не означает, что он не способен радоваться. Он просто-напросто еще не готов к Большой Радости, к Главной Радости, и гадает, в чем она.

А я уже позволил себе догадаться, в чем она может быть для тебя — в твоей необходимости Родине, Володя! И если даже тебе не удастся добиться этого на государственном поле деятельности, то им может стать и просто поле, белорусское поле, которое ты можешь написать так же высоко и всенародно, как Ян Френкель и Инна Гофф написали «Поле, русское поле...» — и это тоже будет великой гражданственностью. У тебя такой талант, который не то что букет, а просто букетище разнообразных будущих побед, которым ты, как веником, можешь вымести немало зла с матушки-Земли, уж раз тебе так неймется бороться со злом. Но только не заставляй себя насильно быть «ассенизатором и водовозом», как необдуманно самозавербовался на такую поденщину наш общий любимец Маяковский,

ошибки которого не дай Бог нам повторять, а особенно его неосторожное самопредсказание «с точкой пули в самом конце». Многоталантие заслуживает многоточия, а не точки, Володя. Это ведь твои замечательные стихи, а не чьи-то в новой рукописи, а в них всего-то восемь строк. Но зато каких! Начинаешь ты, правда, несколько приугрюмленно:

Все поддельно, и любовь поддельна!
В никуда глаза твои глядят.
Мы сидим угрюмо и отдельно,
как в ночных троллейбусах сидят.

Здорово, точно подмечено, и главное — вовремя. А потом я и подумал: «Ну неужто так уж во всех троллейбусах — все и отдельны, и угрюмы? А что же делать с окуджавовским троллейбусом — он же вечен. Он будет даже тогда, когда троллейбусов не будет. Сама песня его еще на-до-о-олго станет тем самым троллейбусом, который кружит, «чтоб всех подобрать потерпевших в ночи, крушенье, крушенье». А раз так, Володя, то и крушений никаких непоправимых с нами не должно случиться! Дай-ка я смахну с твоего настрадавшегося лица невеселую тень цитатой Альбера Камю «Любая стена — это дверь». Так что ни для каких плохих настроений повода нет.

Я на одном выступлении после смерти Вознесенского как-то дал маху — захотелось, чтобы и меня пожалели, что ли (ноющее делать легко, как некогда сказал В. М.), да и сманерничал этаким образом: «Как парадоксально, что из всей плеяды шестидесятников остались в конце концов только Белла да я». А ты–то кто, Володя, разве не шестидесятник белорусский, только чуть-чуть припоздалый, ну и держись ишо дольше, чем я, — это я для тебя по-тайшетски. А что за шестидесятник без «надежда, я вернусь, когда...»? Вон какая у тебя вторая строфа с неожиданным высветившимся изнутри ее В. М.: «Это было с бойцами или страной, или в сердце было моем»:

Это происходит не со мною.
Это происходит не с тобой.
Это происходит со страною.
Родиной. Отечеством. Судьбой.

У тебя есть очень хороший притчевый фрагмент в «Колесе обозрения» — метафорический разговор с дочкой.

И она привела меня в парк.
Мы купили билеты
И сели в зеленую люльку.

— Колесо твое будет катиться? —
Спросил я.
Она промолчала в ответ.
— Или будет крутиться? —
Спросил я.
— Нет, — Ева сказала. —
На моем колесе
Будем мы
Возвышаться.

Возвышались мы плавно —
И вниз уплывали деревья.
— Значит, можно возвыситься, видя,
Что кто—то становится ниже,
Или думая так? —
я спросил.
— Нет, — сказала она. —
Возвышаться — так вовсе не думать.
Думай так, чтобы все возвышались.

Вот она — зашифрованная цель Некляева: думать так, чтобы все возвышались.

Человек, написавший это, вне зависимости от того, станет или не станет политиком, чтобы он ни делал, все равно будет гражданином. Ты никогда не был так напряжен, Володя, как сейчас, — потому что для тебя много означает, нужен ты своей родине или не нужен. А тут ты волнуешься зря. Если тебе она окажет доверие на гражданском поприще, не подводи. Но любой белый чист бумаги перед тобой — это всегда тоже гражданское поприще.

Все, что с тобой произошло, обошлось тебе дорого.

Что–то перегорело в тебе. Но что-то иное возродилось.

Я надеюсь, что то же самое возрождение случится и со всеми интеллигенциями мира. Деинтеллектуализация власти, падение эстетического вкуса масс отражается и на тех, кого выбирают править государствами. Это проблема глобальная. Формальное образование, как бы предполагающее культуру, на самом деле не гарантирует культуры человеческого поведения, основа которого совесть, а вовсе не беспорядочная информационная свалка. Значение писательского слова будет возрастать, если, конечно, писатели будут понимать, что они необходимы — каждый в своей стране, и все вместе — во человечестве.

Несмотря на страшные человеческие потери во время Второй мировой, когда партизанила и моя белорусская бабка Ганна в Полесье, на все потери от сталинского террора, когда среди стольких жертв был и мой дед Ермолай Наумович Евтушенко, — русская и белорусская интеллигенция, к их чести, все-таки выжили не за счет потери совести. А благодаря тому, что произведения Василя Быкова, Алеся Адамовича, Светланы Алексиевич, Рыгора Бородулина, Аркадия Кулешова, Владимира Некляева были и остаются воплощением совести народной. Не забудем, что все эти писатели были авторами «Нового мира» при редакторстве Твардовского и являлись его моральной опорой как почти земляки и единомышленники. Я, в свою очередь, никогда не забуду, что мою поэму «Под кожей Статуи Свободы», зарезанную цензурой в Москве и Ленинграде, рискнул напечатать в журнале «Неман» именно белорус Андрей Макаенок.

В нашей Антологии русской поэзии мы уже напечатали написанные по-русски стихи Шевченко, а также новый перевод «Заповита», вызвавший сердечные отклики шевченковедов на Украине. Я решил включить в антологию «Десять веков русской поэзии» и стихи белоруса Владимира Некляева. Сегодня для многих мерило успеха — это всего-навсего власть и деньги, а совесть — нечто беспокойное, некомфортное. Ну что ж, чтобы быть совестливым — нужно обладать партизанским бесстрашием. А этого белорусам не занимать. Поэт и в Беларуси, это тоже больше, чем поэт.

Евгений Евтушенко

СТИХОТВОРЕНИЯ

Нащупывать
ход беглых строк заране,
Как прясть туман иль белый облак ткать…
И все ж начать, хоть и в начале знать,
Что письмена на облачном тумане
Вовеки никому не прочитать.

О К Н О

ОКНО

В доме напротив женщина мыла окно.
Мокрое солнце в розовых стеклах дымилось.
Он подошел.
                    И она к нему вдруг прислонилась...
В доме напротив женщина мыла окно.

Больше в тот день у меня ничего не случилось.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Купи мне колесо обозрения.
Купи мне дождь.
Купи мне лодку,
Купи обезьянку,
Купи качели
И эту кричалку, в которую кричит
Дядя милиционер...

Я купил мороженое —
И этого ей хватило.

ИДОЛ

«На! — он сказал. — Поверь — и не умрешь.
Меня и род мой ты переживешь».

И протянул ладони: «Верь мне, верь...»
И яд с ладоней я слизнул, как зверь.

«Не бойся, — он шептал, — в груди огня...»
Дал умереть — и воскресил меня.

А воскресив, спросил вдруг: почему
Поверил не себе я, а ему?

Чтоб рядом с ним я духом не ослаб,
Он мучить стал меня: «А что, когда б?..»

«Нет! — я кричал. — Ты богом был моим!..»
Но все страшней мне было рядом с ним.

И встал меж нами ужас, как стена.
Тогда он вновь сказал однажды: «На...»

ИГРА

Утром небо потемнело, а днем
На дорогу пало черным огнем.

Наклонился я и поднял огонь
И с ладони стал кидать на ладонь.

И на правой кожу сжечь он успел,
И на левой, как клеймо, заалел.

И спросила у ладони ладонь:
— Для чего мы всё кидаем огонь?

И ответила сестрице сестра:
— Да забава есть такая. Игра.

***

Что за грустные песни
Ты пела мне, Белая Русь!
По обмежкам ржаным
Васильками они прорастают.
«Ой ляцеў белы гусь...»
А куда он летел, белый гусь,
Если в небе твоем
Только серые гуси летают?

Вновь напев одинокий
Крылом
Мою душу задел —
Мне его не допеть...
Онемели былинные гусли!
Так утешиться б тем,
Что не только хотел,
Что успел
Пролететь над тобой,
Промелькнуть над тобой
Белым гусем.

ВЕДА

Ведаю горькую веду:
Вырублю памяти сад —
И поплыву, и поеду, —
И не покличут назад.
И на луга Беларуси,
Предначерта́нной порой
Только травою вернусь я,
Чтобы остаться травой.

КОСМОС

Проснувшись в холодной избе,
Ты вздрогнешь, припомнив победно,
Что можешь летать,
Что тебе
Подвластна небесная бездна.

И призрачный бред бытия
Тебя прошибет аж до поту,
И станешь родное дитя
Учить не ходьбе, а полету.

***

Ну вот ты вернулся из странствий
И вспомнил: тебя здесь любили.
Какие большие пространства
Заполнены пылью!

Ты ветром ударил в ворота,
Шарахнулись в стороны куры.
Ну пусть тебя встретит хоть кто-то,
Хоть тот, кто не умер.

Но все голоса под землею.
Как страшно, что нету обоих!
И тянет лежалой золою,
И выгрызли крысы обои.

Ты крестишься, нехристь, безбожник,
Но поздно — едва ли, едва ли…
Взбежал на крыльцо подорожник.
Замки на дверях поменяли.

И прежде, чем сладить с замками,
В отмычках привычно смекая,
Ты вытер глаза кулаками —
Сухие, как пыль вековая.

***

...И жить, как все, и оскотиниться,
Как род, как племя...
Смириться, а душа противится —
Еще не время.

Еще звучащее и тонкое
Струится в жилах.
И лупит дождь в стекло оконное —
Разбить не в силах.

Хранитель-ангел, хоть не надо мне,
А он летает.
И жизнь разламывает надвое —
И не ломает.

Рубаха чистая наденется,
Грудь залатает.
Еще он на меня надеется —
Тот, кто летает.

***

Все начиналось так зыбко,
Словно не будет конца...
Дикую помню улыбку
Пьяного вусмерть отца.

Мимо, в смятении судеб,
Там, за пределом земли,
Все, кого больше не будет,
С дикой улыбкой прошли.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Что желать мне на этой свободе,
Где, черна, как дыра в небосводе,
Обгоревшая птица летит
И под крыльями пламя свистит?

Что искать мне на этой дороге,
Где никто не помыслит о Боге
И, объятое громом с огнем,
Даже небо забыло о нем?

Что спасать мне на этой земле,
Где чеканят шаги по золе
Императоры тверди и вод,
Властелины дорог и свобод?..

Это здесь — или это везде,
Где любовь равносильна вражде,
К пораженью идет победитель,
Весь застегнутый в огненный китель?

***

Есть, кроме грома отвесного,
Нам полыхнувшего вслед,
Тайная сила небесная,
Или ее уже нет?

Или про то, что мы молвили
Суетно и невпопад,
Знают лишь громы да молнии —
Вот и горят, и вопят?

Ими все небо изрытое!..
Рухнули за окоем
Молния — птицей убитою,
Криком задавленным — гром.

Вместе — и оба отдельные,
Оба — ломаясь, скользя…
Раз заглянуть в запредельное
Можно, а больше нельзя.

Там, за огнем и раскатами,
В безднах, которых не счесть,
Не от себя ли мы спрятаны,
Страшные, — как оно есть?

ОН

Он возникал из пустоты
И оставался там.
Он не тебе дарил цветы —
Тебя дарил цветам.

Так продолжалось вновь и вновь
До ужаса в крови.
Он не тебе дарил любовь —
Тебя дарил любви.

Тебя он волею Творца
Создал из ничего.
А ты не помнишь ни лица,
Ни имени его.

АНГЕЛЫ

Когда я вышел на дорогу к Богу,
Три ангела мне перешли дорогу.

Один спросил: «А ты куда идешь?..»
Второй пытал: «А что с собой несешь?..»

А третий ни о чем не стал пытать.
Он знал, что я не знаю, что сказать.

***

В Останкино, вечером, в восемь,
Да, ветреным вечером, в восемь,
В Останкино, рядом с прудами,
Сидел человек на скамейке...

Была уже, кажется, осень,
Да, странная, ранняя осень,
И тот человек на скамейке
Осыпан был листьями, да,

В Останкино, вечером, в восемь,
В Останкино, рядом с прудами,
Сидел человек на скамейке,
Осыпанный красной листвой...

Он медленно голову поднял,
Да, медленно голову поднял,
Он листья смахнул со скамейки
И взглядом меня проводил...

Зачем-то я все это помню,
Так долго,
Мучительно помню,
В ненужных подробностях помню...
А нужного столько забыл!

ПОКИНУТЫЙ БЕРЕГ

Зерна сгнивают в мокрой стерне —
Склонимся долу.
Не выпадает по сходной цене
Выкупить долю.

Берег свой кинул — и берегом стал
Краешек неба.
Только в высотах, куда прорастал,
Пусто и немо.

Звезды посыплются, рухнет луна,
Небом отринута…
Воды качнутся — ударит волна
В берег покинутый.

ПЕРЕМЕНЫ

Заструится огонь между высохших веток ботвы,
захрустит, зашипит под скирдою сопревшего сена.
Горьким дымом потянет от багряной и желтой листвы,
от осенней…
Уже не осенней,
после смерти — кто скажет? — с какой ее носит поры
по округе, притихшей в предчувствии некой измены…
Это новый наш дворник порядок завел — жечь костры.
И еще обещал в нашем старом дворе перемены.

***

...И не только фасоны пальто,
Интерьеры и прочее.
Изменяется то,
Что казалось незыблемым. Прочное.
Всех привычек корабль
Тонет!.. Вечная память!..
Но стоишь, как на кочке в болоте журавль, —
Негде ногу вторую поставить.
Друг пристанет
Объяснять суть и смысл перемен...
Проступает фундамент
Из-под рухнувших стен...

***

Судьба. Фатальность. Рок. Удел.
Пустое все.
Не в этом дело.
Я жизнь свою не досмотрел...
Иль жизнь меня
Недосмотрела?

***

О, как я умел заблуждаться!
О, как я умел удивляться
Своим заблужденьям!.. И вот
Мудрее стал. Не заблуждаюсь.
Поэтому не удивляюсь.

...От мудрости этой, покаюсь,
Аж оторопь душу берет!

ШЕСТОЙ ГОД

Вечер. Хороним собаку.
Лошадь цыгане свели.
Холодом тянет и мраком
Из закоулков земли.

Стонет в лесу пилорама.
Вороны в поле кричат.
Снится: приехала мама...
Мелкую
Вырыли яму!
Лапы собачьи торчат!

ТОПЬ

Стоит тишина по-над топью,
Но чиркнешь веслом по звезде —
И искры рассыпятся дробью,
И эхо помчит во воде.
Очнется камыш от дремоты:
«Чего ты? Чего ты? Чего ты?..»

Молчат и чернеют дворы.
Входи — и что хочешь бери.
Хозяева спят до зари,
Храпят, как продавши пшеницу, —
Никто ничего не боится.

Никто — никого!
И назад
От берега эхо отхлынет.
И только взъерошится сад,
Да конь по дощанику двинет...

И ухо по-волчьи поднимет
В кромешную ночь
Конокрад.

ВОЛЧЬИ НОЧИ

Когда порой ночною волчьи стаи
Исходят воем, давятся тоской,
Тогда и я безуметь начинаю,
Как будто узнаю, припоминаю
Знакомый голос в волчьем вое.
Мой.

И жутко мне! Душа во мне звереет!
И страшно, что в окне не просветлеет,
Не сгинет ночь, не сменит день ее!..

А днем душа не вспомнит… не посмеет…
Хотя под языком и холодеет
Протяжное звериное вытье.

ЗВЕРЬ

Никого безнадежно не помню.
Посреди ерунды
Только ты, проходящий по полю,
Засеваешь следы.

Ничего безнадежно не знаю.
Среди всей суеты
Только ты, пробегая по краю,
Не затопчешь цветы.

Ни во что безнадежно не верю.
Средь неверья всего
Только ты улыбаешься зверю
За него самого.

И не веря, не зная, не помня,
Зверь, твоей красотой
Я виденья земные наполню
За небесной чертой.

***

Подмосковье. Зверосовхоз.
Ветер пылью пространство занес,
Ржавь воды в придорожном кювете,
Неуютно на свете...
Хоть и звери,
И дети...
Но не здесь и не эти
Задыхаются в зарослях роз.

СОВЕТ

По чьему-то пустому совету
Человека мотало по свету.

Человека прибило к порогу —
Он глаза проглядел на дорогу.

Не семье благодарен, не дому.
Благодарен совету пустому.

ОГОНЬ

Уничтожив
Былое
Былым,
Став туманами,
Тенями,
Снами,
Мы себе вспоминаемся сами,
Как золе вспоминается дым.

СОСТОЯНИЕ

Как сны про сны,
Как тени,
Как виденья,
Бегут мои желанья и хотенья.

Как дым в огне все дальше от огня,
Они во мне — все дальше от меня.

Кому сказать об этом?.. Не скажу.
Как нищий погорелец я дрожу
Среди руин на сером пепелище,
Где над золой сиротский ветер свищет
И гонит, крутит пепел, сажу, дым…

Со всеми так?..
Или со мной одним?

***

Ветер по крышам шныряет.
Гулко — как в храме пустом.
Страхами ночь пробирает.
Явь забивается сном.

Что ж так душе одиноко!
Тошно — хоть криком кричи…
Днем она — дьявола око.
Богово ухо — в ночи.

***

Молитвы.
Клятвы.
Вера и расчет.
Господь безвестным дарит имена,
Чтоб длился род, рожденный на извод.

Читаются всегда наоборот
Небесные святые письмена
На хладном токе равнодушных вод.

Хула.
Измены.
Вероломства.
Битвы.
Пусть Страшный суд, как будто к горлу бритва,
Приблизится —
Что будет на суде?..

Как по суху, Господь идет везде,
А клятвы все,
Все истины,
Молитвы
На быстротечной пишутся воде.

СКВОЗЬ КАЛИНУ

Кину все, что до сих пор не кинул,
И склоню главу
На плакун-траву
Под огонь-калину.
В небеса свободные, угрюмые
Сквозь пожар калиновый взгляну
И под ним усну
С думою о том, о чем не думаю.

В САДУ НАД РЕКОЙ

Несовпаденье дат.
Несовпаденье вех…
…И вот летит назад
Давно забытый снег.
Взметнул забытый дождь
Хрустальное крыло.

Пусть было всё —
И всё ж
Не сплыло. Приросло.

В саду, где над рекой
Все бредит соловей,
Пружиной
Под рукой
Тугой изгиб ветвей.

Отпустит ветку сад,
Она за горизонт
Мелькнет — и вновь назад
Вернется, прирастет.

***

Ты облаком плыла…
Руками не достать…
Ты облаком плыла,
Покачиваясь плавно.
От слов моих плыла,
Что я сказал недавно,
К словам моим плыла,
Что завтра мог сказать.

Ты облаком плыла…
В тисненой книге дней —
И тех, что впереди,
И тех, что миновали,
Мы странную с тобой
Страницу отыскали:
«День нашей тишины» —
Написано на ней…

***

На радость и людям, и гадам,
Живому всему не на горе —
Веселые звезды над садом,
Усердный скворец на заборе.

На радость!
А где-то страдают,
И кто-то оболган невинно.
А звезды мигают, моргают,
А птицы поют-распевают —
Наивно, наивно, наивно.

ПЕРЕД ТОБОЙ

...С судьбой я
Бился на ножах,
Пока меня ты не любила.
Ты мне открыла смерти страх...
Нет,
Жизни страх ты мне открыла.

Нашла
Твоя душа
Мою
На перепутьях тьмы и света.

Я не прошу любить за это.
О милосердии
Молю.

ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

По скользкому склону, вопя и гремя,
Уходит состав на Великие Луки.
Зачем нам торжественность нашей разлуки!
Ты помни меня и не помни меня.

Уже по вагонам прошла кутерьма,
Еще и полслова не сказано толком,
И словно бы все начинается только:
Ты любишь меня и не любишь меня.

Но поезд уходит, вопя и гремя!
И смотрит в упор постовой в плащ-палатке!
Я слепну и глохну на третьей площадке!
Не видишь меня и не слышишь меня.

ПЛАВАНЬЕ

1

Не целовалась без тебя вода.
Входили в порт парадные суда,
Гремела музыка на празднике Морфлота,
На берегу, где счастлив был хоть кто-то...

Я плыл за скалы,
В глубину —
Туда,
Куда вдвоем мы плавали когда-то,
И нам кричали с берега: «Ребята!
Утоните! Вернитесь!..» Никогда
И ни за что, за гребни волн цепляясь,
Не повернул бы я от этих скал,
Когда бы знал, что я терял, спасаясь,
Когда бы знал!..

А ты плыла, как не было запрета!
Как рыба — вглубь! Как мне бы самому!..

Но что теперь?.. Вода у скал прогрета,
Все минуло — осталось только это...

Да и оно, пожалуй, ни к чему.

2

Я нырнул под каменные глыбы
И поплыл, расталкивая тьму.
«Нет, — сказали медленные рыбы, —
В царстве моря люди ни к чему».

В небеса, где воздух серебрится,
Я взлетел из темной глубины.
«Ты не наш! — мне закричали птицы. —
В царстве неба рыбы не нужны».

Я покинул небеса и море,
Постучался в темное окно.
«Где ты был? — спросили из-за шторы. —
Твое место занято давно».

И шаги чужие проворчали:
«Что за гость к нам вздумал постучать?..» —
«Странный кто-то, — от окна сказали. —
Рыба или птица, не понять».

***

Отворилась желанная дверь.
Впереди меня ветер вошел.
Я ломал эту дверь, но теперь
Я за ней никого не нашел.

Таял снег на бобровом пальто.
«Гости в доме?» — я громко спросил.
Ничего не ответил никто,
Только в комнатах ветер сквозил.

Я завыл, будто взяли в кольцо.
И в ответ мне портрет закричал...

В небеса запрокинув лицо,
На портрете том ангел летал.

ТЫ ДА Я

То стоим на виду,
Всем заметные, будто калеки,
То бежим как по льду,
Когда вскрылись и движутся реки.

Наперекор. Наперерез.
Стресс. Нервы.

Вызывать интерес —
Называется это, наверно.

ВДРУГ

Рассветный бор тенисто тих,
Круглы его углы…
Как ты похожа на других
В овале полумглы.

И вдруг: сверканье птиц вокруг,
День резок и погож,
И никого на свете вдруг,
Кто на тебя похож!

ЖЕНЩИНА

Стояла она, наклонившись над темной рекой,
и долго смотрела, как волны качают звезду.
…В далеком затоне потом я
русалку найду —
и очи русалочьи тихо закрою рукой.
А после — ослепший — по берегу
буду
идти.
И будут две черных гадюки
за мною
ползти.
Одна, догоняя,
ударит, как молния, справа.
Догонит другая —
и высосет с кровью отраву.

***

В глазах твоих страданье —
Хоть волком вой.
Река непониманья
Меж мною и тобой.

Бушуют омута́ми
Обиды, маета.
И нет меж берегами
Ни одного моста.

Прицельная наводка
Вранья и ерунды.
Безвесельная лодка
В слепых руках воды…

***

Удержи меня… Не отпускай…
Рук не простирай передо мною…
Пусть твоих проклятий я не стою —
Проклинай.

Проклинай, припомнив все утраты.
В том, что не сберег, не сберегу,
Не могу я
Быть
Невиноватым.
Слышишь, не могу.

День прощанья — лучший день для мщенья.
Не предай меня, не измени —
Не карай меня ты всепрощеньем!
Смилуйся…
Прости и прокляни.

***

В шуме, что уши закладывал,
В дыме, что застил глаза,
Как же тебя я угадывал?..
Можно понять, да нельзя.

Это потом разберемся мы
С временем тем молодым,
Шум вспоминая
Березовый,
Розовый-розовый
Дым.

ПРИЗРАКИ

Ветреным утром, тревожно бродя в листопаде,
Слыша дыханье и шорохи близкой зимы,
В осень уходим…
А стены и лестницы сзади.
Не озирайся, любимая, это не мы!

Это не нас догоняет по лестницам мука!
Это не мы, словно тени, глухи и немы.
Это не нас ожидает в засаде разлука.
Ты не пугайся, любимая: это — не мы…

Это порой, когда медом наполнились соты,
Грозы прошли и грозится ударить метель,
Вдруг по-над гарью,
в прекрасной тоске перелета,
Призраки наши, пугая, проплыли в апрель.

ПОПУТНАЯ

От плоти плоть —
И плотью к плоти
Нас бросило на повороте;
Дороги желтая змея
Скользнула в зелень лип высоких.
Зеленоокая моя!
Я не люблю зеленооких.
Но ослепила эта сила,
Что сквозняками в нас гудит.
На миг один она сроднила —
Навек она разъединит.
Нет, ты не будешь виновата!..

Но до утраты, до расплаты,
Но до разлуки за версту
Глядишь ты, как сестра на брата,
Как сирота на сироту.

ЛЕВКИ

Мне снятся сны о Беларуси.
Я. Купала

Дорога вела на Левки́.
Стояли леса — велики.
Катилась река — велика.
Дорога текла в облака.

Там звездные стыли поля,
Простор, что не знает предела,
И в нем пролетела Земля —
И возле виска просвистела.

Вздымала дорогу гора,
И там, где она пропадала,
Над вечной водою Днепра
Стоял неподвижный Купала.

Катилась река в окоем,
Текла,
Как могла,
Как хотела.

Был страшен Купала —
На нем,
Еще довоенном, живом,
Как праздник, рубаха горела!

Ворочался призрак беды,
Рождаясь во чреве оврага...
Всего только шаг до воды!
...Не ступит он этого шага.

Он шкуру сдерет, как лоскут,
И бросит судьбе как гостинец.

Он вольно пройдет сквозь Москву
По стертым ступенькам гостиниц.
Он будет на сходках ночных
Спасенных от пули и страха
Друзей обнимать,
Чтоб на них,
Как праздник, горели рубахи!

Он будет!..

Звенел окоем,
За ним полыхали зарницы.

Все это случится потом.
Все это совсем не случится.

Лишь глянет судьба исподлобья
Глазами минутной вины,
Читая на камне надгробном
О Родине смутные сны…

ДЕЛЬФИНСКОЕ

Памяти С. Кирсанова

Поэт
сидел за столиком, курил.
В который раз смотрел все ту же пьесу…
Рукой, кивком (с усмешкой, с интересом)
приветствовал пустившихся в распыл.
Смотрел…
            Курил…
                        Приветствовал…
                                    Был…

Тарелки на пластмассовых столах
сквозь сизый дым сияли светом лунным.
Тяжелым взглядом,
обожаньем юным
богема отражалась в зеркалах.

Поэт курил,
привычно слушал вздор.
Звенели рюмки, звякали графины.
А в этот миг лиловые дельфины
вплывали в распахнувшийся Босфор,
крича, как плача…
Лился лунный свет,
вонзались волны
                        в берег сарацинский.
— Ты говорить умеешь по-дельфински? —
Спросил поэт…

Стояла ночь.
В остуженной Москве
сквозь дождь сверкали огненные дуги.
Поэт окурок прятал в рукаве,
искал монету и звонил подруге.

У телефонной будки плавал пар,
теснились задремавшие машины.
А в этот миг лиловые дельфины
пересекали синий Гибралтар.

И где-то у Останкинских прудов
в ночную осень сыпались кометы...
Поэт звонил,
на плач дельфинских слов
переводил глубинный гул планеты.

МИХАЙЛОВСКОЕ

И жало мудрыя змеи…
А. С. Пушкин

1

Наречья холодок, ознобный жар глагола…
Враждебные слова в союз соединя,
Глазами всех славян,
всех негров,
всех монголов —
Из будущих времен он смотрит на меня.

Из будущих времен — там декабристы пели,
И шапку не ломал перед царем поэт,
И нет там клеветы, дозволены дуэли.
И Бенкендорфа нет, и Черной речки нет.

Но злая весть летит от запада к востоку
О том, что праздный дар был Богом дан пророку,
Коль правят миром вновь
вражда, измена, месть,

И эта весть летит без эха, без ответа,
Как будто больше нет ни одного поэта,
А если есть, тогда
зачем он, если есть?

2

Так резко, что губы свело,
Сказал — и лицо запрокинул…
Как было на небе светло!
Зачем же он небо покинул?
«Отец мой! Людские грехи
Страданье мое не искупит…»
Но день искупленья наступит —
Пропели уже петухи.
Как шумно!.. И слух его снова
Не звуки терзают, а свет:
«Ты скажешь им
истины слово».
Есть слово. Но истины нет.
Есть голод и жажда. Одни.
Вся истина — голод и жажда.
«Скажи — и прозреют они».
«Отец мой! Они — это каждый.
И каждый, как слепок на слепок,
Похож на других. Ни к чему
Им истина…
                    Истина слепит,
И зрят ослепленные — тьму.
Отец мой!
Язык мой от жажды
К распухшему нёбу прирос…»

Но если они — это каждый,
Кто тело
            с Голгофы
                        унес?

***

Стареющий национальный лидер
Когда-то будет доживать свой век
За кружкой пива в Орше или в Лиде,
Как всякий одинокий человек.

Он будет помышлять о суициде,
Постукивая воблой по столу
За кружкой пива в Орше или в Лиде,
Где пыль в углах и лужи на полу.

А может, мысль, вскормленная в обиде
На этот мир, где всяк его предаст,
За кружкой пива в Орше или в Лиде
Ему и одиночества не даст.

КРАСНЫЙ ЗАКАТ

Взял — и родился царем.
Самым свирепым в отчизне.
Пёр через жизнь напролом.
Что он хотел, кроме жизни?

Этого знать не дано.
Как в нем душа ни ярилась —
Не поднялась,
Опустилась
В темень,
На самое дно.

Лишь пламенеющий лик
Всходит, по водам блуждая…
Да холодеет язык,
Имя его называя.

***

Хоть и живем однова,
Стоило все же родиться.
Падает тихо листва,
Лунно родник серебрится.

Розовощекий ранет,
Парус на фоне рассвета —
Кто не родился на свет,
Тот не увидит все это.

Ахни!
Тебе одному
Выпало радости столько...
Впрочем, и сгинуть не горько.
И не понять
Почему.

* * *

В угол забилась и плачет.
Слезы бегут в три ручья.
— Кто ты? — спросил я.
— Удача.
— Чья ты? — спросил я.
— Ничья.

Грозные всадники скачут.
Тени великих маячат.
Тени искавших удачи.

Плачет, и плачет, и плачет…

* * *

От невеселых дум
Падал, где довелось.
Слушал в подушках шум:
Ветер твоих волос.

То он траву качал,
То в проводах свистел…
Слышал, как гром молчал.
Будто бы камень пел.

СОН

«Я замыслил побег…» —
«А куда?» —
«Никуда». —
«А зачем?» —
«Я не знаю». —
«Как странно». —
«Не странно, а страшно». —
«Немного». —
«Я бегу по ночам,
Меж огней,
По гремящим дорогам…» —
«Никуда?» —
«И туда,
Где живешь ты еще, слава богу,
И тяжелые волосы
Гладишь
На хрупком плече». —
«Ты ко мне убегаешь?» —
«К тебе». —
«Это странно вдвойне». —
«Это страшно вдвойне». —
«Я понять не могу!..» —
«Понимаешь,
Если каждую ночь от меня
И ко мне убегаешь!..»

— Ты меня разбудил?..
— Да.
— Зачем?..
— Ты кричала во сне.

* * *

Вышел.
Раскинулось поле
За небосклон путеводный.
— Милая! Что это?
— Воля.
— Воли не знает свободный.

К дому спешил через степи.
Ткнулся в цветы на подоле.
— Милая! Что это?
— Цепи.
— Знаю. Сорвать их — и воля.

ПЕРЕВАЛ

Сед небесный хребет.
Здесь, где клекот орлиный,
Бед в отдельности нет —
Всё лавины, лавины…

Средь ущелий и скал
За утраты в оплату
Я обрел перевал,
Где не стыдно заплакать.

Всё придется отдать,
Что судьба даровала…
Перевал отстоять.
Не сойти с перевала.

***

Целебной боль бывает,
Как горьких трав коренья…
Врачуя, убивает
Отрава исцеленья.

На жизнь роптать
Нелепо.
Чему бывать —
Случится…
Зажги меня,
                    как небо,
Молонья-огневица.

Не вскрикну, не заплачу,
Что ночью огневой
Сгорел…
Столбом горячим
Всклубится пепел мой.

* * *

Всё на грани развала.
Вот и сердце в груди разорвáлось.
Как товарищей мало!
А любимых совсем не осталось.

Позову, прокричу —
Лишь подушку забрызгаю кровью.
...Зажигают свечу
И несут —
Вдоль судьбы —
К изголовью.

Кто же зверствует в нас,
Пока живы мы, милая!..

«Милый!
Ты прости мне сейчас
Всё, что сможешь простить у могилы».

СНЕГ

1

Не с первого крика,
Не с первой слезы и не с первого смеха,
Не с первого эха —
                начинался я с первого снега
Над шумом вокзала,
Где ты меня смела окликнуть,
Но прежде — увидеть,
            узнать,
            и признать,
            и приникнуть,
Но прежде, чем рядом пошли мы,
Боясь и смелея,
Но прежде, чем в дом наш
Вошла эта ночь ворожеей,
Но раньше, чем всюду тебя
И навеки не стало —
Снежинка последняя
Первого снега
Пропала...

2

Где преклоню главу,
Там и найду ночлег…

Снег первый — на траву.
Потом снега — на снег.
На рану боль сперва,
Потом — на шрам, на след,
               на память, на слова,
               в которых смысла нет…

Зима белым-бела,
Хоть только начала
По декабрю разбег…

Примчалась. Обняла.
С плечей сметает снег.

Голубиная почта

Голубиная почта

Размах
Голубиных полетов.
Мерцанье
Настывшей воды.
Распахнуты в осень ворота.
Завеяны в лето следы.
Тропинкой средь сжатого жита
Бежит босиком детвора…
И все же: кто знает, скажите,
Какая на свете пора?

Куда над покоем непрочным,
Над пожней, над полем пустым
Годов голубиная почта
Несет растревоженный дым?..

Чужая станция

Эта станция чужая,
этот город мне чужой.
Кто ж зовет меня, стеная:
«Милый мой! Любимый мой!..»

Переулками влекомый,
над полночной тишиной
голос мечется — знакомый,
да почти забытый мной.

«Милый!..»
В памяти провалы
Обрываются, скользя.
Все
    далекие вокзалы,
все
    случайные друзья.

Так откуда же он, тайный
и почти забытый мной,
над моей судьбой случайной
голос
станции чужой?
«Милый мой!..»
Вот-вот сорвется,
смолкнет, горем оглуша.

И ему не отзовется
ни одна вокруг душа.
Ни одна из миллионов
человечьих, близких душ!..

И, растерянный, смятенный,
оборвался голос...

Рушь!
Разоряй мой быт усобный,
голос,
        вставший за спиной
неизбывною, ознобной,
непонятною виной.

СЕСТРА

Он налетал с утра,
Как колесо с горы:
— Где же твоя сестра?
— Нет у меня сестры.

Вскриками топора,
Воплями мглы сырой:
— Где же твоя сестра?
Что же с твоей сестрой?

Голод — хоть волком вой.
Пресная гниль коры.
Холод — хоть землю рой,
Но из глубин норы,
Но из земли сырой
Страшно вопит дыра:
— Что же с твоей сестрой?
Где же твоя сестра?

— Нет у меня сестры!
Не было никогда...

Вышли.
Все.
Сухари.
Кончилась.
Вся.
Вода.

Лег
    на краю костра.
Глухо сказал:
— Укрой...

Думал: «Ну вот, пора...
Как там теперь сестра?..
Что там с моей сестрой?..»

СТАНЦИЯ СПАСЕНЬЯ

1

Осенним утром воскресенья
боры над Неманом молчат.
Матросы Станции Спасенья
вповалку спят.

Матросы спят раздольно, весело!
В родной стране, в своем краю
матросы спят, как ходят с песнями
в строю.

Матросы спят.
Им сны не снятся.
Здесь неуютно даже снам.
И если есть нужда спасаться,
спасайся сам.

2

Историй
острых и солененьких
случалось на пути
немало…
Тонул,
хватался за соломинку —
держала.

…Бездомный дождь под крышу ломится.
Глухи матросы и незрячи.
И крутит в омуте соломинку
моей удачи.

3

Как руки наши перекрещены!
Сошлись замками.
Ласкаешь — то руками женщины,
то плавниками.

От всех и от всего свободные,
сквозь волны,
косо
плывем мы,
сну реки подобные,
во сны матросов.

Нас волны вынесут старательно,
как рыб,
на берег…

На спящей станции спасательной
не скрипнут двери.

ТУРОВ

Где храм когда-то был —
теперь пивная.
Цыган веселый пляшет, припевая…
Украл коня он — и удачно сбыл,
а грех запил!…
Здесь храм когда-то был.

Провинция!
Люблю твои контрасты!
Люблю твой люд,
скуластый и горластый,
хмельную удаль
да простор полей!
Но для чего, скажи мне,
в сотый раз ты
ломаешь дом
истории своей?..

Цыган шалеет.
Млеют мужики.
История моя. Полешуки.
Нальют стаканы — стиснут кулаки.
Как пилорамы ходят желваки.

— Ты, может, расстарался бы, Рыгор?
За первой — разговор не разговор.
Рыгор не гордый.
За второй,
за третьей
пошла беседа про житье на свете.

— А что житье?.. Забьют,
как в стенку гвоздь!
Швейцар, и тот вон будто в горле кость.
Дурной мужик. Откуда только злость?
Мы гости все — и он здесь тоже гость...

Швейцар, косясь, задержит взгляд на мне.
Он знает сам, что истина в вине,
но прет на службе из его натуры
поборник ярый питьевой культуры.

— Панас!
Давай до нас! Добро винцо!..

Усмешка вырвет молнией лицо
из темноты,
где прячет от людей
швейцар
свои галактики идей.

Остряк гогочет — вздрагивают миски.
До Гомеля — ого!..
Длинней — до Минска!..

Цыган танцует —
множит сапоги!
— Чего расселся?
Встал не с той ноги?

Провинция!
Тоска твоя туга.
Глухие возле Турова снега.

А некогда... Да кончилось давно,
провинция! Прогорклое вино,
провинция! Отеческая кровля,
я только здесь себе почти что ровня.
Провинция! Как быть мне, как мне жить,
чем мне еще на свете дорожить?..

Смеется девка, полная грудей.
— А что под юбкой?..
— Всё как у людей!
— Эх, мама, жаль,
что каши с ней не сваришь!..

— Ты что, товарищ?
— Захмелел товарищ...
— Да не цепляйте... Пусть себе поспит...

Провинция!
Ну почему болит?..
Катаю по столу намокший мякиш:
есть, слава богу, Туров,
Зельва,
Мядель!
Цыган кричит:
— Да выпей! Сделай честь!
Не пропадем!..
Еще, брат, кони есть!

ТРАКАЙ

Я помню, что песня была. Не помню — какая.
На западе тлели червонные башни Тракая.
Озера Тракая челны колыхали —
такая
Знакомая песня звучала...
Не помню — какая.

Был август вечерний, озябший у озера, росный.
И пахло травою и рыбою, мокрыми веслами.
Луна опускалась,
пространство меж башен заполня.
Я все декорации помню.
Ход действий —
не помню.

Так странно не помню, что это
не может забыться.
Как будто былое еще только думает сбыться —
И можно в нем что-то
сменить, переставить, подправить,
Как в пьесе,
которую заново нужно поставить.

Минувшего память — как сталь листовая
под прессом:
Пружинит, но гнется...
И вот переписана пьеса,
И тот, кто когда-то
был просто статистом в массовке,
Возжаждал героем стать
в новой ее постановке.

Но я не об этом...
А песня — о ратях о княжьих.
О подвигах вроде. А может,
о подлостях вражьих.
Собьется погоня. И можно отряды пополнить.
История — то,
что невыгодно в точности помнить.

Что гонит отряд из Тракая
до Кревского замка?
История с нами торгуется, словно цыганка.
Вот Витовт — король.
Но что за король без короны?..
Законы истории — не прописные законы.

Я вновь не о том...
Обрывается думка, как тропка.
Минувшее с будущим
в сумраке сходятся робко.
Иду по канату. Две прорвы с боков,
две лавины.
Бирута и Кейстут!..
Споем и поплачем, литвины!

Споем и поплачем,
Разлив по посудинам брагу,
Споем и поплачем, и выпьем до дна за отвагу,
За предков отвагу,
Еще — чтобы жили потомки,
Мы — мостик меж ними,
А дальше — за нами — потемки.

Нам имя — когорты.
Другого нам имени нету.
Чтоб нас не забыли, оставим потомкам заветы.
Оставим заветы —
                    хоть это, конечно, не ново, —
Чтоб вызрела нива, где сеяно слово,
А слово
Пусть ляжет на слово, как колос на колос
Ложится, чтоб выстоять бурю,
                                        и голос на голос,
Уста на уста,
И руки пусть лягут на руки…

Нет, песню не помню.
Мелодия…
          музыка…
                    звуки…

ИЗ БОДЛЕРА

Не ввалятся средь ночи — и пытать
Не поведут в осклизлый склеп совиный.
Спи, злыдень! Правосудию плевать —
Повинна голова иль неповинна.

Судья твой спит. И дрыхнут сторожа.
У палача — шлюшонка, дочь прелата.
Ему плевать, как там — твоя душа,
Пусть виновата, пусть невиновата.

Убийца, спи! Спит в кодексах закон.
Державный пыл на буквице закона
Так жирно лег... Спокойно спи! Твой сон
Не всколыхнут до утреннего звона.

Так что ж вопишь?.. Душа овечья... Ты!
Пред кем
Готов ты рухнуть на колени?
Пред совестью? Плевать! Ее куренья —
Вериги разной мелкой сволоты,
А ты!..

И все ж не спишь...
Кричишь...
Боишься ты...

ГЕРНИКА

Сны —
озерами у изголовья,
озерами
белых и черных дождей,
озерами
воды и крови.

Руки закину
и зачерпну
горстями
белый и черный дождь,
горстью — воды,
горстью — крови.

Проснусь:
ладони
одна на другой
под щекой
на подушке, наполненной снами,
знаменами и оружием.

ДЕСАНТ

Шли волки по следу.
Отбился десант.
— Отметим победу, —
Сказал лейтенант.
По кругу пустил
Неразбавленный спирт.
— Чередченко пил?

А Чередченко спит.
Чередченко спит —
И ему никогда
Уже не приснится
Ни спирт, ни вода.
Просветы погон
Не приснятся ему.
К чему этот сон?
Я не знаю к чему.
Но после победы,
Не зная войны,
По горькому следу
Голодные сны
Идут волчьей стаей…

Проснусь. Зазнобит.
Следы заметает.
Чередченко спит.

СЕМЯ

…Не хранили следов его
тропки,
овраги,
накатник,
Ни пустырь,
ни заросший осокою плес.
Пер мужик наугад —
Прикипел к нему латаный ватник.
Он в заветном платке
семена потаенные нес.

Как от смерти бегут,
Он от жизни в яремах спасался,
Хоть ни жизнь и ни смерть
Не грозили расплатой ему.
Он три раза бежал,
Он три раза домой возвращался…

На четвертый вернулся —
да не было больше к кому.

Он три ночи стоял
неподвижно у отчего дома,
На четвертую ночь
Бросил семя в размытый подзол.
И земля содрогнулась,
как будто от низкого грома,
И отринула семя…

Тогда навсегда он ушел.
Все четыре конца
Раздобытого кривдой простора
Потащили его
за укрытое тьмою село.
Ничего впереди…
Позади, как собака на вора,
Грома лаяло эхо.
Пустырником поле цвело.

ХОДОК

Владимиру Короткевичу

Баклага, посох, торба на плечах —
Для наших будней
облик маскарадный.
Но каждый день в поход свой многострадный,
Идет ходок,
он сам избрал свой шлях.

Из рощи — в бор,
С низины — на бугор
Идет ходок.
Бездельники, барыги
Кричат:
«Эй ты! Где крест твой?
Где вериги?»
Ходок идет,
Не видя их в упор.

Он выбрал шлях —
и не своротит вбок
От истины, известной всем от веку:
Почти что все,
что нужно человеку, —
Краюшка хлеба
да воды глоток.

Почти что все. Почти, почти, почти…
Но нет, не все, раз ком стоит у горла,
Не все, не все, когда в душе, как в горне,
Тоска такая — господи прости!

О ком? О чем?
Оглянется кругом —
Шепнут колосья на обмежке поля:
О том — что правда,
И о том — что воля,
О самом тайном, самом дорогом.

О всех, о всем —
До слез, до слез, до слез,
О самом кровном в бесконечном свете,
Что тихим ветром прошумит в привете
Веселых веток полоцких берез,
Что грозным ревом грянет в турий рог
У Турова — и отзовется в Креве…

Пусть кружит шлях,
Как кружат кольца в древе,
Пусть без конца он.
Но идет ходок.

Идет ходок…
Пускай горит ему
Неясный свет созвездий путеводных,
Чтоб мог спасти он сирых и голодных.
Кого? —
Ему известно одному.

Идет ходок…
Бушует круговерть —
И жизнь его
легко на круги нижет…

Он знает слишком много, чтобы выжить,
Он знает мало,
чтобы умереть.

БОГАТЫРСКАЯ ГОРА

1

Грохнул в подножье горы —
пала, расколота:
«Сколько захочешь, бери
се́ребра, золота».

Не наклонился поднять —
зря умоляла.

Встала гора
и осталась стоять
там, где стояла.

2

Хмур возвращался и зол.
Грохнул — не пала.
«Что ж ты, — спросила, — нашел?
Сила и та вон пропала.
Или ходил ты не за
златом да се́ребром?..»

Но посмотрела в глаза,
полные севером, —
словно ударила в грудь
страшная сила.
«Ты заслонила мне путь!»

3

И — отступила
в сторону…
Глянул, как тать.
Мимо проехал.
…Плакало, силясь догнать,
горное эхо.

СТОРОЖКА

Ветер шастает по крыше.
Мертвый снег — да в окна страх.
Пусто. Гулко.
Чей там слышен
Крик в заброшенных полях?
    — Мама, кто там?
    — Спи, морока!

Ветер. Скрипы…

    — Глянь в окно:
Вурдалак!
    — Побойся Бога!
    — Кто-то бродит все равно.

Крик.
    — Слыхала?
    — С поля дует.

Выстрел.
    — Слышишь?
    — Гром…
    — Зимой?..
    Мама,
    Кто там все колдует?
    — Это стужа, мальчик мой.

В лапах мрака стонет хата.
За стеной скребется ель.
        — Мама, страшно…
        Где наш тата?
        — Папа в городе…

Метель.
Пусто. Гулко.
Крики. Стоны.
Выстрелы. Шаги.
И тишь.
Край далекий. Шлях студеный.

«И-ме-нем на-ро-да!..»

        — Спишь?

…Он уснул, как будто канул.
Подошел и в окна глянул
Вурдалак, гудящий в рог.
А наутро ветер грянул
Шапку батьки
На порог…

***

Вела за калитку…
У края отцовского поля:
«Сынок мой… — сказала, —
Какой же наказ тебе дать?
Ни разу не сбиться с дороги — завидная доля,
Но с этою долей
Ты можешь себя потерять.

Так пусть ты узнаешь
                    блужданий бессонные муки,
Дойдешь — и вернешься,
Найдешь — и не станешь беречь,
Отпразднуешь Встречу
                    в минуты смертельной разлуки,
Оплачешь Разлуку
                    в минуты безрадостных встреч.

По белому свету
Ищи свою долю упрямо…»

Он жил этой долей.
Любил. Расставался.
Плутал.
Домой возвратился.
«Сынок мой!.. — воскликнула мама. —
Нашел?.. Потерял ты?..»

Заплакал —
И в ноги
Упал.

ВИНА

Признать вину, не обручась с виной, —
отцепка только от суда людского...

Когда душа как за стеной острога,
и ты следишь за ней, как часовой,
не повторяй банальнейшую быль,
что ложь жива,
что дым ее и пыль
лик правды застилают, как облога.
Не с речи, а с поступка начинай:
острог разрушь,
нож страха поломай,
винтовку отними у часового.

ВОПРОС

Дни рассыпаем, как мак по столу.
Жизнь переводим.
Только однажды как ухнет в углу:
— Что происходит?!

Порваны... кровности... нити... народ...
Не оправдание — лепет.
Дико светло! А звезда упадет —
Морок облепит.

— Что же случилось с течением лет?
— Будто не знаешь!..
Крут твой вопрос. И опасен ответ.
Прыгнешь —
и шею сломаешь.

СЛУЧАЙ

Утопленник всплыл поутру.
Шуршала трава на ветру,
И лодка качалась…
Событие обозначалось
Спасателям не по нутру.
И старший спасатель по имени Яков,
Опухший от водки,
Приделал утопшему камень
и якорь,
Изъятый из лодки…
С одной стороны — мокроватое дело,
С другой стороны —
Последствий оно никаких не имело
Для судеб страны.
Да мало ли что происходит в стране,
Где столько и всякого!..
Где каждый второй понимает вполне
Спасателя Якова.

***

Тоскующий гудок. По рекам прошлых лет.
Бастующий итог. Иных итогов нет.
Надеждою какой сердечко трепыхается?
Я не был сам собой. Такое не прощается.

И присно. И вовек. Доколе буду жить —
Не перекрыть тех рек. И не поворотить.

А если, разозлясь, попробовать?
Силач…
Вот небо. И земля. Возьми. Переиначь.

КЕВОЛЕЧ*

Не так он жил, как все…
Цветы с базара
Себе дарил, носил немодное пенсне,
Платил без всяких разговоров взносы
На радость всяким мелким товариществам.
И отпуск брал не летом,
                а под осень.
И ездил не в Пицунду,
                а под Минск.
И мерз там восемнадцать дней на дачке,
Похожей на собачью конуру.
Таскал повсюду за собою скрипку.
Но никогда никто нигде не слышал,
Чтоб он играл на ней или хотя бы
Давал играть кому-то…

* Зеркальное отображение слова «человек».

Так он жил.
А рядом жил сосед — и презирал
Цветы с базара, не носил пенсне,
Всегда ругался из-за всяких взносов,
И ездил в Ялту в бархатный сезон,
И иногда водил смычком по скрипке,
Но никогда никто нигде не видел,
Чтоб он носил ее с собою или
Давал ее кому-нибудь носить…
Так жил сосед.
А вместе они, оба,
Напротив жили, в зеркале как будто.
И, видимо, жил кто-то так,
Как нужно.
А кто-то, значит,
Жил наоборот.

АКТРИСА

Театр закрыт. На сцене убран свет.
В гримерной пахнет пудрой и кефиром.
Актриса ищет в сумочке билет
На электричку 0.24.
Из полумрака в зеркало глядит,
Себя в себе не сразу узнавая.
У глаз морщинки… Боже, скверный вид…
Прикуривает, пальцы обжигая,
Роняет спичку на пол…
                                        Сквозняки
По электричке сумрачной гуляют.
За час езды до станции Синьки
Актрисе три свиданья назначают.
А в тех Синьках — последняя изба —
Угрюм,
Худющ
И бородат, как Нестор,
Ждет друг ее. Он первая труба
В провинциальном духовом оркестре.
Считается еще, что он поэт,
Которого чужая зависть губит,
И от него
                житья и спасу нет! —
Но одного его актриса любит,
Когда бежит к озябшему крыльцу
Тропинкой меж кустов сирени редких,
И ударяют ветки по лицу,
Тяжелые, безлиственные ветки,

Когда на двери падает засов,
Когда...
Она не помнит остального!..
Он ей такую смог внушить любовь,
Какою любят ангела больного.
Что из того, что насмерть надоел
Он всем другим!
Ей до других нет дела!..
Всю ночь в избе слепящий свет горел,
Всю ночь труба серебряная пела!
А утром в электричке сквозняки
Насквозь актрису прожигали снова;
И волосы метались у щеки,
Как будто крылья ангела больного.

ЦЕПЬ

Завтра рано вставать…
Очумелая полночь в окно
Хмуро пялит бельмо,
а беседе конца не видать,
Хоть и сказано все
и допито до капли вино —
Не помощник сегодня оно,
завтра рано вставать.

Наши зябкие тени
устало лежат на стене,
Завтра рано вставать —
надо спать,
надо спать,
надо спать.
Нам иль страшно обоим
последнее слово сказать,
Или нечего больше сказать,
завтра рано вставать.

Что решим мы сейчас,
не прощая друг друга — виня?
Завтра рано вставать,
поздний час,
поздний час,
поздний час.
Вот мы рядом сидим,
и не ведает каждый из нас:
Как в тебя мне ворваться,
тебе — как ворваться в меня?

Полутемен вопрос,
полутемен невнятный ответ,
Что-то есть между нами,
о чем не дознаться вдвоем.
Может, третий здесь нужен,
тем более речь-то о нем?
Завтра рано вставать...
Ну так нужен нам третий иль нет?

Ночь истлеет углем,
и останутся пепел и шлак.
Потеряют со скуки
слова первородство и честь.
Знаю: истина есть,
знаю: истина есть,
Только мы не приблизились к ней
ни на шаг,
ни на шаг.

Значит, кончим ничем,
как и начали всё ни с чего.
Завтра рано вставать —
ну не мучь, не тяни, ни томи...
Свет редеющих звезд
прилетел на ресницы твои,
Откачнулася тьма от святого лица твоего.

Мне б молиться пред ним.
Или, может, бежать его прочь,
Но прирос, прикипел,
как горбун прирастает к горбу!

Завтра рано вставать —
рассчитаться судьбой за судьбу,
День не сможет помочь,
коль спасти не сумела нас ночь.

Поздно ранить друг друга
уколами взглядов и слов,
Если клятвами всеми
посмели легко пренебречь.
Надо спать,
надо спать,
не перечь,
не перечь,
не перечь.
Полночь взбила подушки
под тенями наших голов.

Тени наши уснули.
Раскинулись, словно в степи.
Я привычно поправил
подушку под тенью твоей.
Завтра рано вставать...
А луна между наших теней,
Как часы, все качается на золоченой цепи.

...Рано, рано вставать...

* * *

Запричитали, забились колеса,
падая с кручи…
Как ни болит — мы не вешаем носа,
верно, попутчик?

Что покидаем, кого покидаем —
друга, дивчину?..
Картами с крапом
в судьбу
не играем —
к черту причину!

Вдаль уезжаем, веруя слепо
в зов перемены.
Кружит за окнами низкое небо
цвета измены.

Поезд летит, под себя подминая
пестрые версты.
Жизнь прояснится у крайнего края
мудро и просто.

Что же обратно спешит обреченно
память-отрава?
Будто ползет, припадая, крольчонок
в горло удава.

Будто злодея к месту бесчинства
тянет невольно…
Ладно, попутчик! Спереди — чисто!
Чисто и вольно!

Ладно, попутчик!
Мы — не галерники,
цепью не сшиты!
Наши надежды, наши америки
нам не закрыты.

Будет житье с хороводом и танцами,
с песней, что холишь...
Это еще не последняя станция,
что ж ты выходишь?!

Что же в возвратную кассу рука
тычет рублевку?..
Встречный блеснул, как с каблука
блещет подковка.

Ветер качнул на столбах провода
туго и шало...
Кто-то торопится, рвется туда,
откуда сбежал я...

РОДНОЕ

Весенний первый гром
Скатился как с горы,
Раскатом у криниц дубы шатая.
Здесь аистов земля.
Озера да боры.
Окопы да полынь — земля святая.

И не забыт здесь плач,
И не убит здесь смех,
И в пенье птичьих стай не слышно укоризны.

Здесь дождь не просто дождь
И снег не просто снег —
Ведь это дождь и снег
                                        над берегом
                                                            Отчизны.

ГАРМОНИСТ

Слушай,
            давай мы кручину прогоним,
сядем да выпьем вина.
Я поиграл бы тебе на гармони,
каб не война.

Пела в руках моих звонкая сила —
только отпела она...
Как по рукам по моим
голосила
денно и нощно жена!

Выжил я,
вынес войну эту лютую,
этот огонь и пургу…
Выжил —
                да только бывают минуты:
жить не могу.

Ты не подумай!
Хоть выжил на мизере,
я не привык —
                          чтоб разжалобить —
кланяться.
Но не могу я,
когда в телевизоре
руки
        и клавиши.

Память моя травенеет в окопе,
мины взрывая…
А на гармони я
                          каждую кнопку
помню.
Играю.

Видно, не справиться с этою мукою.
Миною — возле…

Дай мне, пожалуйста, руки… Похукаю*.
Пальцы замерзли.

* Хукать — греть дыханием *(белорус.)*.

ПЕСЕНКА

За лесами за дремучими,
За чужою стороною
Есть река с водою мертвою
И река с водой живою.
Зачерпнул я из живой реки,
Нес домой я воду в пригоршнях,
Но лишь капля в них осталася,
Будто косточка от вишенки.
Встал я в поле между двух могил,
От зимы стоял до осени,
Будто помнил, знал, да вот забыл,
Где живую каплю бросить мне.
А далёко все текла река,
У могил калина вызрела…
Пала капля, как слеза горька,
На горючем камне высохла.

***

Где-то в Крево,
где липы померкли,
где цветы заглушило травой,
дед с бабулею —
лицами к церкви —
отдыхают в землице сырой.
Жизнь прошла —
оттеплилась лампадой,
проплыла, как луна по воде.
Спит Иван с дорогой Лимпиадой…
Где их души?
Неведомо где.

В облаках ли?
В низинном тумане?
В лопухах у церковной стены?..
Как душа твоя, дед мой Иване?
Отыскала ли душу жены?
Не устала,
кружа у зенита?
Не натерла ли крыл в высоте?..

Добела Лимпиадой отмытое,
сохнет облако на кресте...

ПЫЛЬ ДОРОГ

То ли это песок золотой,
то ли сор —
пыль дорог, покрутивших на свете?..
Суета!
            Избавляюсь.
                                    А ветер
лег, как пес, у калитки в дозор.

Как тайник,
                    где случился разор,
дни пусты-препусты...
                                    На рассвете
небо звезды крадет,
                                    словно вор.

МОЛИТВА

Ночь битвой валилась на лезвия гор,
Последние звезды стрясая за горы.
А солнце вставало, как будто собор.
Звонили в соборе.

А в Чети в мечети молился абрек,
На шее — кинжальная мета.
«Аллах! Магомет не вернулся к горе —
Гора прокляла Магомета.

Аллах!
Я седой уж...
Я скоро умру.
Прошу на пороге бессмертного царства:
Аллах, покарай за бунтарство гору,
Аллах!
                Магомета прости за бунтарство...»

Он эту молитву творил до поры,
Пока облака не накрыли полсвета.

Ударила молния
                                        в гребень горы —
Лавина
Расплющила
Дом Магомета...

АРМЕНИЯ

Библейских гор суровый рост.
Пожар зарниц...
Над всей Арменией
Всемирное убийство звезд.
А звезд — не менее.

Закон хранит тебя, материя.
А света кровь
течет
лавиною,
Как перерезали артерии
Над Араратскою долиною.

Все небо в копьях и в мечах —
На нем
Огнем записан
Эпос.
Дух древних предков не зачах:
Под патиною
на щитах
Арес и Эрос.

Не истребляется любовь...
Вулканами земля клокочет.
Не убывает слов
От слов,
Сгорающих в горниле ночи.

Как доказательство их силы
Из галактических туманов
Глядят на люльки и могилы
Густые очи Туманяна...

ЮЖНЫЙ СЕВЕР

...Прятаться в осторожности,
в лености сытой.
О, запрещенной скорости
смак позабытый!

Зачем,
          будто только с сейнера
рыбка под маринадом,
ты приплываешь с Севера
и проплываешь рядом?

Под эту закуску
                    стопку
курортный гастритик серый
легко
опрокинул в глотку.
Я спекся...
Расстанемся, Север!

Играл твои белые гаммы,
писал твои акварели.
Но —
        будто бы под ногами
торфяники загорелись!

Но
месяц хрупкой ледышкой
сверкнул меж бархатных тучек —
это пробрался неслышно
твой, Север, лазутчик.

Меж нами столько простора —
хватает на всю державу!
Зачем же в Черное море
ты сеешь свою отраву?

Зачем
              твои снежные звери
ворочаются на пляже?
Какие мои потери
еще тебе в прибыль?
                                          Скажешь?

Какие мои ухватки
тебе безвозвратно любы?..
Твоих поцелуев сладких
не забывают губы.

Расстанемся, Север!
                                         Полно!
Тоска обжигает душу.
Что нужно мне помнить —
помню.

Слушай:
              ...На спидометре стрелку сглазили,
              когда с полной колодой тузов
              я летел на расхристанном газике
              без клаксона и тормозов...

***

Утихла беспокойная орава
Друзей моих,
Товарищей моих...
Ударит одиночество под дых —
Вернуть захочешь даже тех из них,
Кого и вспомнить не сумеешь, право.

Как строчки прошлогодних объявлений,
Что треплет ветер около дверей,
Размыты лица в памяти моей
Былых любимых
И былых друзей,
Прозрачных дней и призрачных мгновений.

На ликах их ни масок нет, ни грима,
Но все трудней припоминаю я,
Кого любил...
И кто любил меня...
Неясен свет далекого огня,
В густом тумане скрылись пилигримы.

И если даже в стороне заката
Ты с ними всеми встретишься когда-то,
Никто не скажет, кто в том виноват,
Что нам дано предчувствовать утраты
И не дано нам
Избежать утрат.

ЯБЛОКИ

Зачем оглянулся назад?..
Ничем не сумею помочь!
Дрожит перепуганный сад.
Молчит домотканая ночь.

Скользит под рубашкою страх —
Настывший, дремотный, глухой.
Взрываются яблоки — бах! —
Срываясь в лопушник сухой.

Луна закатилась за сад,
Но, светом до зерен полны,
Упруго на ветках висят
Янтарные братья луны.

Соблазн —
мирозданье тряхнуть,
На дух испытать и на смак.
Да страшно, что могут учуть...
Учули!
Спускают собак.

К забору, мокры от росы,
Рванулись ватагой — бежать!
А звездные Гончие Псы
Не думают даже брехать.

Уйти бы от черных собак!
Душа воет в пятках: спаси!
И этак петляем, и так,
И всюду: «Куси их! Куси!»

Бежит от сторожки мужик,
Стреляет во тьму наугад
На шорох,
                    на страх мой,
                                        на вскрик!..
Зачем оглянулся
назад?

***

Руины замка.
Дикая земля —
Вся в зарослях шиповника, крапивы.
А со стены взирает горделиво —
Скуласта, по-нездешнему красива —
Наложница вояки-короля.

Была она наложницей иль нет,
Но, покоренный красотой степною,
Велел король
                    считать ее святою —
И италийцам заказал портрет.

Был тот король капризен, как дитя,
Не знал границ ни в щедрости, ни в злости.
...Истлели в прах сиятельские кости,
Лишь капли на шиповнике блестят.

О короле забыли в тех краях,
Где то и дело воевал он царства
Своих соседей,
Где огнем, коварством
Он в собственных владеньях сеял страх, —
И проклят был!..
Но под святым венцом
Осталась та,
Чьи очи, словно жала,
И светится страстей былых пожаром
Прекрасное
и хищное лицо.

***

Затихло.
На земную стынь
Спустились тучи снеговые.
Кто мы с тобою?..
Как ни кинь —
Две линии береговые.

Пока река во льдах, в снегах,
Они
в одну как будто слиты...
Зачем же (для самозащиты?)
Сверкают
Лезвия
В глазах?
Ветра и вьюги день-деньской
Над речкой, скованной морозом!..

Затихло —
И слышна угроза
Непрочной близости людской.

Я понял, путь проделав свой
Во всеоткрытости щенячьей:
Добро — обнять рукой слепой,
Беда — карать рукою зрячей!

И я баюкаю в ночи
Твои ладони дорогие,
Чтоб хоть на миг (молчи... молчи...)
Полоска лезвия (молчи...)
Упала мостиком (молчи...)
На линии береговые.

***

Все поддельно! И любовь поддельна!
В никуда глаза твои глядят.
Мы сидим угрюмо и отдельно,
Как в ночных троллейбусах сидят.

Это происходит не со мною.
Это происходит не с тобой.
Это происходит со страною.
Родиной. Отечеством. Судьбой.

***

Проекты всеобщего блага.
Вселенского счастья прожекты.
Желтела на стендах бумага.
Сиял «Комсомольский прожектор».

Мы с временем этим едины.
С безвременьем этим не квиты.
Подрамник на месте картины.
В ленкомнате стекла разбиты.

Нашлись и виновный, и крайний
В веселой стране негодяев.
«Прожектор» на телеэкране —
Но издан зачем-то Бердяев.

Народ, похмелившись с утра,
Мечтает о жизни хорошей...

И словно бурьян, что не скошен,
На камне, что в прошлое брошен, —
Скрещенные прожектора!

РАЗРЫВ

Подняв кулаки над столом,
Он грохнул в ночи кулаками:
«Прощай! На распыл, на разлом,
Что было когда-то меж нами!»
И не обернулся в дверях…
И ждал потом каждою ночью
Два черные озера в снах —
Сыновьи сиротские очи.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБ АРЕНДЕ КВАРТИРЫ

Губернский писарь Стефан Достоевский
(искусства каллиграфии ревнитель)
отчаянно хотел писать романы
и через них войти в литературу;

а у него арендовал усадьбу
отец Купалы — Доминик Луцевич;

так —
просто через лишнюю жилплощадь
причастный к славе сына Доминика,
в туманном прошлом не исчез бесследно
искусства каллиграфии поденщик
губернский писарь Стефан Достоевский.

ПРОЩАЯСЬ С АРКАДИЕМ КУЛЕШОВЫМ

…Над ним, склонившись, вечность дышит.
Под ним
              земля… деревья… крыши…
Летит он в бездне мировой —
И сам себя уже не слышит,
Как самолет сверхзвуковой.

ФОТОСНИМОК

Стена расстрела.
Стать? Под той стеной?..
Представить, что каратели напротив,
Тебя — напротив,
Нас двоих — напротив,
Не ужаснуться:
                        ты, как смерть, со мной!..

…На снимке черно-белом
В прицеле объектива
Стою — такой счастливый! —
Там, у стены расстрела.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Пусть буйствует жизнь! Эта ноша по мне.
По мне эта доля, где властвует ветер.
Я знаю, что скоро займется в окне
Последний мой вечер.

Ну что же — и эта поклажа по мне.
Я долю на волю спокойно сменяю.
И только качнусь, словно тень на стене,
Помедлю мгновенье и вновь зашагаю…

* * *

Когда, ломая воздух, самолет
Взлетает и торжественно орет —
Одна лишь мысль во мне неугасима:
«Как счастлив тот, кого никто не ждет».
Лишь эта мысль. Она невыносима.

***

…И лежала она, неживая,
Не чужая ему, не чужая.

Вот — случилось. Пришло. Навалилось.
Кто теперь ты и где ты, скажи?..
Что-то помнилось,
Больше — забылось.
Оглянулся назад: миражи.

Оглянулся вперед: ни тревоги,
Ни тоски на душе, ни беды.
Лишь разбитые стлались дороги,
На которых истерлись следы.

Так стоял, сам собой удрученный,
И смотрел за пределы земли,
По какой
И в какую
мильоны
Неизвестно и грозно прошли.

Лишь когда опускали в могилу —
Повело, повело его вбок…
Устоял. Бросил глины комок,
И из гроба послышалось:
«Милый…»

СКРИПКА МАТИАША

Играй нам, нам Матиаш, играй!
Не так, как заплатили гроши,
А как в восторге бьет в ладоши
Весенних песен полный
Гай.

Играй нам, Матиаш, играй!
Не станет музыка товаром,
Пока по жилам у мадьяров
Струится чардаш, как токай.

Полней же чарки наливай!
Играй нам, Матиаш, играй!

Наворожи мне, напророчь
Удачу дамою пиковою...
Со мной такая чернобровая,
Что подо мной светлеет ночь.

Как обнимает — не пытай!
Играй же, Матиаш, играй!

Не замирай на ноте той,
Щемящей так, что слезы катятся...
О, скрипки голос золотой! —
Над безголосицей, невнятицей,
А в общем-то,
Над немотой...

Ты немотою не карай,
Играй нам, Матиаш, играй!

Как
Музыке
Среди людей?
Среди измен, среди злодейства?..
Играй, играй мне, чародей,
Дай, Боже, сил на чародейство!

И ночью, захмелев от чар,
Под черную вступая арку,
Я душу заложу, мадьяр,
Но не отдам тебе мадьярку!

ОТКРЫТКА ИЗ САРАЕВО

У валуна, который сообщает,
Что некогда на этом самом месте
Убит был всем известный Фердинанд,
Тот самый Фердинанд, тот самый герцог,
Вернее, эрц…
                    У памятного камня
Стоит розовощекая австрийка —
Красавица, альпийская богиня,
Что стала олимпийской чемпионкой,
Которую для утренней рекламы
Томительно снимает тощий швед,
Стараясь, чтобы в кадр попала надпись
На валуне, который сообщает,
Что некогда на этом самом месте
Убит был эрц…
                    А к валуну идет
Солидный немец, герцога ровесник,
С ним дама молодая, у которой
Две пары лыж. Она глядит на шведа —
Швед на нее. Смеется чемпионка,
Искрится снег у валуна того,
Где некогда… который сообщает…
На миг жену одергивает немец
И молвит ей: «Nicht er der Letzte war»*.

* Не он последний *(нем.)*.

***

Здесь гнездились дома.
А потом те дома посносили.
И остались сады.
Кто-то не дал деревьям пропасть.
Молодые сады.
В самом цвете стоят, в самой силе —
Яблок столько, что яблоку негде упасть.

Здесь собаки в репье.
Алкаши о балете толкуют.
Электрички свистят,
словно змеи в болоте шурша.
Я привел сюда друга.
Он сказал: «Не выносит душа…
Здесь пустырь и разор.
Здесь деревья кричат и тоскуют».

***

Золотая эта зала
Золотится каждый вечер,
Как шкатулка золотая,
Что полна твоих колечек.

Ты танцуешь —
И к финалу
Розы
        выпорхнут на сцену…

За шкатулку назначала
Ты немыслимую цену.
За колечки ты платила,
Просто денег не считая…

А заветное уплыло,
Будто рыбка золотая.

Но тебе его не жалко…
На пуантах — больно пальчикам! —
Ты бежишь ко мне, русалка.

Все, что есть — один купальничек…

ИНИЦИАЛЫ РЕВНОСТИ

Все рисует он три буквы:
Ш. Л. И. —
то под сердцем со стрелой,
то под розами.
Говорю ему:
— Пацан, не шали,
посмотри,
                какое утро
морозное!
Снег какой!
А смех какой
                      на снегу!
Как слетают с горы
                                 лыжи с санками!..
А пацан мне говорит:
— Не могу,
Не могу, когда она
с рыжим Санькою.

ХОРЕИ

Вновь на сердце — горше перца…
Сел в седло — да выбило…
        Ах, как выболело сердце!
        Ах, как выболело.

Торговал я, краснобай,
Весело ранетами…
        Виршей мрачных не слагай,
        Дурень этакий.

Ах, зеленой смутой вод
Очи подвенечные…
        Не пиши похвальных од.
        Сны гляди про вечное.

Вам за очи да за взор
Яблочки най-лучшие!..
        Не рифмуй газетный вздор,
        А живи по случаю.

Покатилось — не держи! —
Сердце яблоком…
        Вот про это и пиши.
        Ямбами.

***

Нечастый праздник встреч
Давай отметим тихо.
Пусть красной соловьихой
Поет в честь встречи
Печь.

Из-под ее крыла
Нам выбрызнут уголья
Ту песню, что была
Хозяйкою застолья.

Видать, она — на раз.
Да, все, что в нас поется,
Сгорит в свой звездный час
И больше не вернется.

Так что же делать, друг?
Подкинем в печь поленья...
Не вечен дружбы круг,
Слабы его сцепленья.

Сведя часы в один,
Давай обманем вечер
И дольше посидим,
Чем длится наша встреча.

Одна из редких встреч,
Когда в душе так тихо
И только в хате печь
Поет, как соловьиха...

***

Равнодушно проходить
Мимо кладбища и мимо
Дома деда Ибрагима,
Продолжающего жить.
Кто теперь в его дому
Сказки слушает и были?
Мы когда-то славно жили,
Неподвластны никому.
Он — могильщик, я — поэт.
Мы устроились что надо...
За кладбищенской оградой
Никаких смятений нет.
Захороним и живем,
Пересчитываем деньги.
Песни долгие поем
Про ордынские набеги.
А потом
То говорим,
То молчим про все на свете...

Ждал я славы... Ибрагим
Ожидал спокойно смерти.
Каждый занят был своим,
И в своем был каждый правым.
Но меня надула слава,
И не умер Ибрагим.
И, должно быть, потому
Нас судьба разъединила,
Что вдвоем нам не фартило —
И ни мне, и ни ему.

НОКТЮРН МАНУЭЛЯ ДЕ ФАЛЬИ

Нервные звуки
ноктюрна
                    садов
                                Хенералифе,
Нервные руки
                                генерала Галифе,
перебирающего яблоки голов…
Так и живем.
В целом
сюжет не стар и не нов,
а дело
всегда было делом.

Виною не маюсь.
                                    Пустая вина,
что рифма — как розовый туман,
из облака будущего —
во времена,
когда и ноктюрны
по тюрьмам.

По времени —
ветер.
Катя валуны,
он сносит
кричащих
                     бессмысленным криком.

Глаза поднимите!
Таинственны блики
на скулах
испанской
и русской
луны...

Давайте поплачем
по нашим и вашим!
Раздув галифе —
на поминках попляшем!
Поплачем!
                    Попляшем!
                                        История знала,
зачем надевала
штаны генерала.

...Срываются звуки
                                        и катятся с горки
цветными глазами
убитого Лорки.

ЦЫГАНСКИЙ ДОЖДЬ

На рассвете жизни, на восходе,
Пробегая сквозь цыганский дождь,
Мне судьба пророчила: «Володя,
Ты от одиночества умрешь!»

Жизнь — к закату…
Не сбылись пророчества
И уже не сбудутся.
Я рад
Утонченным чувством одиночества
Упиваться, глядя на закат.

***

В момент просветленья
Пошли мне, Господь, всепрощенье!..
Еще вразуми:
Для чего он —
Момент просветленья?..

***

Он в храме. Надменный старик.
Почти неживая природа.
К нему привыкаю я годы,
И странно — еще не привык.
С той ночи, когда я унес
Его, избежав самосуда,
Еще меня мучит вопрос:
Зачем он? И кто? И откуда?
Бездарная, в общем, мазня
Увядшей культуры Востока…
Но смотрят в упор на меня
Глаза палача и пророка —
Пустые глаза! Два мазка
Утратившей цвет акварели…
Я помню! — они свысока
Из бездны гордыни смотрели
На суетный мир…
Не застыл
Их взгляд…
Как пространство в нем свищет!
…Все то, что душа моя ищет,
Старик этот знал
И забыл.

ЖЕЛНА

Нине Матяш

Даже эха нет в этом лесу —
Лес пустой, как прореха.
А бывало, слыхать за версту,
Если белка играла орехом,
Если щелкала зубом о зуб…
Тишь.
        Не просит источенный дуб
Дятла-колотуна
Прочищать стариковское ухо;
Глухо
От светла до темна
В сонном сумраке елей и сосен…

И заплакала утром желна,
Нет — запела внезапно желна,
Хоть от века была безголосой!

Как звенела она!
Кто она?
            И откуда она?
Не видать!.. Только голос в окрестье!
Только в медном оркестре
Золотая струна!

И тогда ожила
Медь, что было совсем онемела:
«Как смогла?..
Как посмела!..»

Сыч вопил из дупла,
И сова, задыхаясь, лютела:
«Здесь она не жила!»

Ну и что — не жила!
Не жила — прилетела!

И над будничной сушею
Затихал
золотой ее голос...

Песне надо, чтоб слушали.
Чтоб на песню был голод.
Только лес — как стена.
Даже ветер в вершинах не свищет.

Улетела желна.
Где она
лес свой ищет?

ПАРОМ

Серебряный след на воде.
Ночной силуэт у парома.
Я снова остался без дома,
Живу на пароме. Нигде.

Паромщик, скажи, дорогой,
Куда мне на этом пароме?
Всё те же и то же там, кроме
Того, что тот берег другой.

Паромщик, куда ж мы плывем?..
В судьбе — перекличкой кукушек —
Лишь медленный этот паром
На Соже
Меж двух деревушек,
Лишь лунная речка в горстях…

Да брось горевать о корове!
Давай говорить о стихах
На медленном нашем пароме,
Залитом серебряным светом,
Плывущем по лунной воде…
Ну где еще скажешь об этом!
Уж если не здесь, то нигде,

И если не мы, то вовеки
Никто и не вспомнит о том,
Что есть еще светлые реки
И есть —
Из варяг да во греки —
Меж двух деревенек
Паром.

НА КАТЕРЕ «ГРОЗНЫЙ»

На Волго-Балтийском канале
Замерзшие чайки
Стенали.

Ну что вы кричите, милые?..
Мы сами в своей беде
Как противоптичьи мины
На суше и на воде.

Проносятся отмели чергой*,
И этой вот чайке не первой,
Как бусинке с порванной нитки,
Срываясь крылом наболелым,
Упасть обессиленным телом
На красные сучья ракитки.

Сомкнулась немая вода, —
Да что там, какая беда!
Одна! — а другие спасутся...

Цепочкою отмели рвутся,
И вдруг — словно выбухнул кратер! —
Качнулся и вздыбился катер,
И синью
Остуженной
Стали
        Стволы
        Оружейные
        Встали,
И, как обгоревшие груши,
Посыпались чаячьи души...

---

* Черга — череда *(южнорус.)*.

РУБЕЖ

Все ливни — направо.
Все ливни — налево.
Мотор «Москвича» лихорадка заела.
Давай же, давай! Колымага виляет —
Нутро выгорает,
Нутро выгорает.

Потопные воды —
                              в стекло ветровое!
Дорога назад —
До шумеров? до Трои?
Дорога вперед —
К сатане? или к раю?
Давай же, давай, колымага, по маю!

Вопя, задыхаясь, круша парапеты,
Летел москвичок по каемке планеты.
Спирали дыханье крутые спирали,
Две силы —
Крест-накрест —
                            восход распирали,
Крутились колеса и рвано, и голо:
На правых —
                    проколы!
                                  На правых —
                                                    проколы!

Покуда машину трясло и мотало,
Я видел, как смерчем светило вставало,
И горы клонились, и падали травы
Направо, направо, направо, направо —

Где вечером ветер шатается в сенцах,
И птаха шалеет на пятом коленце,
И колоколами срываются беры
На пепел гонимый любови и веры,
Где пахнет дурманами луг за рекою,
Где мама навстречу мне машет рукою,
Шумят, обливаясь слезами, дубравы...
Но падаю влево!
А тучи — направо,
Направо все звери, и рыбы, и гады,
Мои декабри и мои листопады,
Направо взлетают —
Илона и Ева! —
Две птицы с ветвей родословного древа,
Направо — силками смиренья и гнева —
Все то, что я вспомнил, срываясь налево,
В провалы пространства,
где вечность клубится,
Где некогда сон этот будет мне сниться...

КОСТЬ

А что твой рок? Борьба с богами?
Собаке кинутая кость?
Победа будет не за нами —
Все, что услышать довелось.

СТИХИ ПО ПОВОДУ

ПО ПОВОДУ ЛОШАДИ

На ярмарке в Волошино,
Под городом Сморгонь,
Мне продавали лошадь:
— Купи, товарищ, лошадь!
Смотри, какая лошадь!
Хороший очень конь.
    — Человек хороший,
    Конечно, не секрет,
    Что я купил бы лошадь,
    Да только денег нет.

А тут как раз на площадь
Цыгана принесло:
— Ты покупаешь лошадь?
Купи тогда седло.
    — Человек хороший,
    Конечно, не секрет,
    Что я купил бы лошадь —
    На лошадь денег нет.
    И я седло купил бы
    И цену б не спросил,
    Но
    Не купил я лошадь,
    Я лошадь не купил.

А через площадь шпарит
Мужик напропалую.
— Купил седло, товарищ?
А остальную сбрую?
— Человек хороший,
Ей-богу, я любую
У вас к седлу и к лошади
Купил бы сбрую…

— Дорогой приятель, —
Не выдержала лошадь, —
Коль ты не покупатель,
Освободи-ка площадь.

Вот так она сказала,
Сказала — и заржала.

ПО ПОВОДУ ФИЛОСОФИИ

Вот жил-был философ Сенека,
И жил-был Ходжа Насреддин,
Но до двадцать первого века
Не дожил из них ни один.

А я вот совсем не философ,
И нет Насреддинов в роду,
Но все же живу без вопросов
В 2001 году.

ПО ПОВОДУ АНГЕЛОВ

Она на арфе в юности играла…
Теперь с лотка торгует (у вокзала)
Лепешками… Я спрашиваю: — Как
Живешь?.. Она (смутясь): — Бывало
По всякому…

Семья… И муж дурак
И пьяница… И дети…
— Сколько?
— Двое.

Но что-то в ней сквозное, неземное,
Как арфы звук…

— Ты знаменитым стал…
Не ожидала…
— Сам не ожидал…
Прекрасно выглядишь…
(Опять смутясь):
— Ну что ты!..

Весь разговор… И арфы звук в ушах…

Мы смотрим в небо. Видим самолеты,
Хоть ангелы летают в небесах.

ПО ПОВОДУ МУЗЫКИ И ПОЭЗИИ

Голоса приближаются. Скрябин.
Б. Пастернак

Перешептыванья. Переглядыванья.
Ах, какая вошла! А не сядет рядом ли?..
Нет.
Привет! (Навоева — в буфет, нужен.)
Смотрит, как будто контужен. Дурачок.
Но — молчок.
Сколько же народу любит Скрябина?..
И Настурцева здесь. У, ты моя рябенькая.
Добрый вечер. В текущий момент
январь, а у вас — веснушки.
(Что такой за комплимент?
Как порозовели ушки!)
Не от радости, не от скуки —
так ведь просто...
Ваше место и ряд?

Потом, когда у дирижера руки
надломятся —
и на последнем звуке
по фраку черному безвольно заскользят,
зал возвратится к действиям обычным,
овациям, словам косноязычным,
которыми о Боге говорят.

ПО ПОВОДУ ЧЕРВЯ

Червя большого дождевого
Узрел я в луже дождевой.
Как хобот у слона большого,
Он был большой.

С утра на улице толпился
У лужи той народ честной.
Ведь для чего-то он родился
Такой большой?..

А для чего? — никто не знает.
Ну как же так, ну как же так?..

Вот так бессмысленно, бывает,
Рождается большой червяк.

ПО ПОВОДУ РАСПУЩЕННЫХ ЖЕНЩИН

В распущенных женщинах есть
Все то же, что в прочих, — не счесть
В них штучек прелестных и славных…

Плюс то, чего нет в благонравных.

ПО ПОВОДУ ЖЕНЩИН НЕРАСПУЩЕННЫХ

Жаднющим взглядом гладя женщин,
Я думаю: о Боже, Боже!..
Ну почему меня все меньше —
А их все больше, больше, больше…

ПО ДОМАШНЕМУ ПОВОДУ

Нарисуем дом, чего там,
Нарисуем — заживем.
Р-развеселая работа
строить дом!
С крепкой плотницкой замашкой
да умением в руках,
в синей шелковой рубашке
в петухах.
Бьет по голени щепа
хлестко и упруго,
как меня по щекам
бригадирова супруга.
Била, словно врага…
А потом по росам
уводила в стога
первосенокоса.
Как смотрела светло
и встревоженно —
бригадиру знать про то
не положено.
Он идет, крутит ус:
— Жми, артель,
работай!..

Вытираю пот, смеюсь,
бригадир, мол,
не волнуйсь —
нарисуем дом, чего там!

ПО ПОВОДУ ШАПКИ-НЕВИДИМКИ

Невидимку блатную надену,
Стану тени своей позади,
Потому что предвижу измену
Той змеи, что пригрел на груди.
И когда сладострастия возглас,
Изменяя, исторгнет змея,
Поколеблется в комнате воздух,
Упадет невидимка с меня!..

...Так и было. Змея изменила.
Встал над нею я — страшный, как мрак!

А змея, потянувшись, спросила:
— Где ты взял невидимку, дурак?..

ПО ПОВОДУ ВРЕМЕНИ

Любимая: есть, была...
Друзья: есть, были...
жили... любили...
Ну и номер Оля отколола!..

Время — изменение формы глагола.

ПО ПОВОДУ ЖИЗНИ

Всё всем ясно:
Жизнь опасна.

ПО ПОВОДУ СМЕРТИ

Письмо. На конверте
Пометка: *«От Воланда*
По поводу смерти
И смерти без повода».

ПО ПОВОДУ КРУГА

Как в жизни ни кружись —
Докружишься до тризны.
Не больше жизни
Жизнь,
Но и не меньше жизни.

И не дано стереть
То, что судьба начертит…

Не меньше смерти
Смерть,
Но и не больше смерти.

ПО ПОВОДУ ВОСКРЕСЕНИЯ

Вот и стали явью были.
Настигает Страшный суд.
Может быть, меня убьют?
Может быть, уже убили?

Но могильщик смотрит в оба,
Не спешит могилу рыть.

Говорит могильщик: «Ить
Скоро всем вставать из гроба,
Нету смысла хоронить».

ПО ПОВОДУ ЗДОРОВЬЯ

У Ленина хилое было здоровье,
поэтому он до сих пор лежит в Мавзолее…

А Сталин здоровьем был крепок,
поэтому лишь посетил Мавзолей — и ушел…

Поэтому Ленин — покойник,
а Сталин — грузин…

За здоровье!

ПО ПОВОДУ ПУТЕШЕСТВИЙ

Поезда путешествуют относительно станций…
Станции путешествуют относительно городов…

Все прелестно путешествуют
относительно друг друга —

и разница заключается только в том,
где и сколько наливают водки…

ПО ПОВОДУ РЕВОЛЮЦИЙ

Подарили индейцу новый бумеранг —
Уморился он старый выбрасывать…

Всю мою жизнь
Раз за разом
Над моим домом
Разворачиваются бумеранги!

ПО ПОВОДУ ЗЕРКАЛА

Как ни мяли, ни коверкали —
Не до кривд, не до обид…
Годы… Чрезвычайный вид
В зеркале.

ПО ПОВОДУ ЭМИГРАЦИИ

В своем народе
ты живешь,
в чужом народе
проживаешь, —

как будто идешь и самому себе вдогонку,
и самому себе навстречу,
и самого себя не узнаешь,
и сам у себя про самого себя,
не понимая своего языка,
непонимающе спрашиваешь:
— А кто это?..

ПО ПОВОДУ КЕСОННОЙ БОЛЕЗНИ

Как водолазы,
в какой-то миг все мы
поднимаемся со дна одиночества
и, чтобы избежать кессонной болезни,
передаем друг другу воздух
через случайные разговоры.

КНИГА В КНИГЕ

9 ИЮЛЯ

Стихи в переводах
Игоря Шкляревского

НАПАЧАТКУ

...І мне самім сабою жыць,
Які ўжо ёсць я — дзе тут дзецца?
Жыць, як шчаслівае смяецца,
Жыць, як балючае баліць.

В НАЧАЛЕ

За лесом — грай.
За граем — гай.
А перед лесом что?
Не знаю.
Вперед себя я забегаю.
Такой родился. А, пускай!
Бежать мне все равно куда,
Ведь у меня пора такая,
Как у полей, когда стекает
В озера талая вода.
Зачем мне знать — куда течет?
Гадать, куда бежит дорога.
Себя никто не обминет,
Никто не спрячется от Бога.
И мне самим собою жить,
Самим собою быть придется.
Жить, как счастливое смеётся.
Жить, как болючее болить.
Спешить — людей не насмешить.
Жить и спешить, — чтоб отзываться!

1977

СТУДНЯ

...На жоўты жвір
сцякае з рук струмень,
І на вадзе каменьчыкі танцуюць.

КОЛОДЕЦ

Отпустишь цепь — и упадет ведро,
Как будто язь на плесе бултыхнется.
Один глоток — и вот оно: добро!
На дне ведра прохожий улыбнется.
И снова жить на свете — так легко!
И зной — не злой. И дом — недалеко.
Ладони ворот гладят и глянцуют.
Течет струя... И камешки танцуют.

ПАЛАНЭЗ

Бывай, Яблонская, бывай!
Прабегла восень па фальварку,
І графіка такая ў парку,
Хоць парк у раму забірай…

ПОЛОНЕЗ

Прощай, Яблонская, прощай!
Пылают кленами фольварки,
И графика такая в парке,
Что хоть музеям завещай.

Прощай, Яблонская, прощай.
Я остаюсь уже за рамой
Картины, что еще видна.

Рояль, камин — и ты одна
С заигранной любовной драмой.
С бокалом белого вина.

Не ставь бокал на самый край.
И свет, и тень дрожат обманно.
Целую руки, ясна панна.
Прощай, Яблонская… Бывай!

От клавиш рук не отрывай.
Я даже в скрежете железа
Услышу, только доиграй,
Аккорд последний полонеза:
Прощай!

1999

***

...Там з ночы ў ноч скакала ў сне
Агнем па залатой сасне
Чырвоная вавёрка...

***

Так сладко плакал я во сне,
И так легко
                    по той весне,
Где счастье — не подделка.
Там ночью прыгала в окне
Огнем на золотой сосне
Малиновая белка…

И прыгнула она из сна!..
И где была моя сосна —
Там синяя прореха.
И вся в слезах моя сосна,
Как в золотых орехах.
1990

***

Устаць. Прыбрацца. Выпіць каву.
Пісаць і кінуць. Праз Варшаву
Ісці, не знаючы, куды…
Вярнуцца на свае сляды.

***

Проснуться. Застелить кровать.
Прочесть на улице объяву
И одному через Варшаву
Идти и целый день молчать.
С утра — без цели, без заботы
Смотреть на пачку сигарет,
На чашку кофе, на паркет.
Подать слепой старухе злотый.
Вернуться на свои следы,
И под мерцанием звезды
Увидеть улицу пустую...

1999

***

...Верабейка.
Птушка Бога.
Скок ды скок.
Чырык-чырык.

***

На рябине утро стынет,
Воробьишко, чем живешь?
Что ты зябнешь на рябине?
Ты ж рябину не клюещь.

Воробьишку на мякине,
Чик-чирик, не проведешь.
Что ты ищешь на чужбине,
И зачем ты сердце рвешь?

Только там твоя подмога, —
Нива, ива и родник.
Воробьишко.
Пташка Бога.
Скок да скок.
Чирик-чирик.
1999

ПРОСЬБА

...Гэты бераг я пакіну —
Тым
Гукнуся берагам.
Не штурхайце толькі ў спіну,
Дабяруся ціха сам.

ПРОСЬБА

В спину не толкайте…
Последние слова отца

В тьму, из тьмы,
Из глины в глину
Этот берег я покину —
К тем
Пристану берегам.
Не толкайте только в спину,
Доберуся тихо сам.
2007

З УСМЕШКАЙ БЁРНСА

Ёй хочацца, каб я сканаў
У маладых яе абдымках,
Каб потым плакаць на памінках…

С УЛЫБКОЙ БЁРНСА

Ей хочется, чтоб умер я
В ее объятиях змеиных,
А после плакать на поминах,
Рассказывать, как я любил,
И как она меня любила,
И ей не жить уже одной…
Стать безутешною вдовой —
Вот всё, чего ей не хватило.

2003

***

…З двара азірнуся ў акно —
Рукой памахае.
За ёй тэлевізар міргае.
Французскае сёння кіно.

***

Нервозно накину кашне
(Французское нечто).
— Еще ты заглянешь ко мне?
— Конечно.

С улыбкой неблизкой родни
Обнимет за плечи.
Приветливо скажет: — Звони.
— До встречи.
— До встречи.

Из улицы гляну в окно,
Рукой отвечает,
Другой телевизор включает,
Французское нынче кино.
1997

***

…І будзеш сніць да самай смерці,
Як па руцэ тваёй да сэрца
Паўзе гліняная змяя.

***

Перемешай песок и глину
И сотвори Алёну, Нину,
И станет вся она — твоя,
И будешь видеть
Сон до смерти,
Как по руке твоей
Под сердце
Ползет песчаная змея.
2008

***

...Калі падумаю,
Дык гэты сад жыцця
З аднымі дулямі.

***

Я жизни сад любил, когда
Мечтал над книгами,
А как отвёл
от книги взгляд,
Увидел я, что этот сад
С одними фигами.
2004

***

...Анікому ні чарта не вінным
Жыць у краме,
У аддзеле вінным,
Дзе ў чарзе — уся радня стаіць.

***

Хорошо быть ни отцом, ни сыном,
В семь утра никто не позвонит,
И ни в чем ни к черту неповинным
Жить под крышей,
Где в подвале винном
В очереди вся родня стоит.

1986

НОВЫ СНЕГ

…І нічога ў нас з табою новага —
Толькі снег.

НОВЫЙ СНЕГ

Из первых книг

Столько снега, что деревья ломятся.
Белый снег и белый-белый свет.
Чистота. На чистоте и ловятся.
След в след
Мы идём, как от ковчега Ноева,
От сарая — на далекий свет.
Ничего у нас с тобою нового —
Только снег!

1982

УСПАМІН ПРА ЖУРАЎЛЁЎ

…Вёдры ў хаце пустыя.
Так страшна ісці па ваду,
Быццам
Будуць
Бамбіць.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЖУРАВЛЯХ

Перелетная птица крылом
Зацепила антенну
И кричит, словно пилит железо она.
Мать отцу говорит:

— Это наша вина…

И на крик поворачивает вожак
Всю свою молчаливую стаю,
И снижает над домом круги.
Что задумали птицы? Не знаю.

В доме ведра пустые,
Но страшно пойти за водой.
1983

***

…Як мерна рухаецца Вечнасць.
Куды той Вечнасці спяшаць?

***

Такой прозрачный тихий вечер
Спускается на землю с неба,
Не смея воды всполошить,
Что слышно, как за облаками,
Не торопясь, проходит Вечность.

Куда той Вечности спешить?
2007

***

...Ці ты не самоцішся часам
Па часе, які пралятае
Скрозь тое, што назвы не мае?

***

Тем временем, дней не считая,
Но с каждой минутой старея,
Скажи мне, моя дорогая,
А ты понимаешь, что время
Проходит, как пыль золотая
В потоке чердачный лучей —
Сквозь наши мечты и желанья,
Сквозь то, что не знает названья…
2004

***

У доме насупрацьмыла жанчына акно.
Больш у той дзень
анічога ўмяне не здарылася.

***

В доме напротив женщина мыла окно,
Мокрое солнце,
в стекле полыхая, дымилось.
Кто-то окликнул ее — и лицо засветилось.

Годы прошли! Но мгновенье одно
отделилось.
В доме напротив женщина моет окно…
1971

***

…Мне галасы гукаюцца здалёк —
І памяць на астылых небасхілах
То пырхае, нібыта матылёк,
То круціцца, нібы змяя на вілах.

***

Течет по жилам легкий холодок.
Все меньше лиц знакомых и любимых.
Я поневоле подвожу итог,
Плачу долги и плачу на могилах.

Вот и надежды белый голубок
Исчез среди мельканий сизокрылых.
И смотрит с неба
синеглазый Бог.
Плачу долги и плачу на могилах.

1992

***

...Цуды ўсе ў адным адзіным цудзе:
У неверагодным цудзе
Жыць.

***

Во всем, что было, есть и будет,
Во всем, чего могло не быть,
Все чудеса — в случайном чуде,
В невероятном чуде
Жить.

2006

НАД ВАДОЙ

Ігару Шклярэўскаму

...Вада
          такая светлая,
Нібы яе няма.

НАД ВОДОЙ

Игорю Шкляревскому

Святая, заповедная,
Стекает в забытьё
Вода — такая светлая,
Как будто нет ее.

И от воды — струистая —
Процеживает свет
Душа такая чистая,
Как бы ее и нет.
1996

ПОЭМЫ

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

Маленькие поэмы

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА

На кладбище глухом, среди немых надгробий,
От света дня сокрыт мерцающей листвой,
С утра стоял старик, казавшийся подобьем
Поникшего креста, подпертого клюкой.
По истеченье дня, когда листва угасла,
Измучившись читать лица его черты,
Я подошел к нему. И он сказал:
— Напрасно
Ты подошел ко мне. Зачем мне нужен ты?
Знакомства заводить на кладбище не место,
Иные есть места для праздной болтовни.
Все то, что спросишь ты,
мне наперед известно.
Вопросы — ты и я. Ответы?.. Вот они. —
Спокойною рукой он указал на камни
И шевельнул клюкой, как очертил кольцо.
— О, нет, — сказал я, — нет,
Не смерть, иная тайна,
Угаданная мной, печалит вам лицо.
Он повторил опять:
— На кладбище не место…
— Что делали вы здесь?
— Выслушивал траву.
— Вы ждали?
— Нет.
— Кого?

— Вопросы неуместны!..
— Я знаю, кто она, я имя назову.
Вы видели ее, вы говорили с нею.
Здесь в листьях и траве она растворена.
И он ответил:
— Что ж, солгать я не посмею,
Да, именно ее, да именно она.
Но, если ты решил, что понял тайну эту,
Напрасно назовешь всех женщин имена.
— О, нет, — сказал я, — нет, таких желаний нету,
Мне важно знать лишь то, что именно она.
А имена, они
начертаны на камне,
И выбрал я для вас
Вот это… —
— Боже мой! —
Воскликнул он тогда. — Она была жена мне…
— Вы путаете всё… Могла бы стать женой.
— Да, да, — он прошептал, — она могла…
Как странно…
Но только ты не смог постигнуть тайны всей,
Она мне не жена — она была сестра мне…
— Простите, — я сказал, — могла б
остаться ей.
— Да, — согласился он, — она могла… Так было…
Нет, было все не так! О, как я мог забыть!
Она мне не сестрой — она была любимой…
— Возможно, — я сказал, — могла бы ею быть.

— Ты глуп! — воскликнул он. —
Что можешь знать ты,
Кроме
Того, что я сказал, того, что я скажу.
Свободных душ родство
сильней родства по крови.
Ты знаешь это?
— Да. Теперь я ухожу
— Постой! Повремени… Побудь со мной немного.
Скажи, когда она немыслимо длинна
Скажи, ты знаешь, как
кончается дорога,
Ответь, ты знаешь, где
кончается она?
— Нигде, — ответил я. —
Нет ни имен, ни отчеств
У родственных вам душ, и вы обречены…
— Молчи!.. — он застонал. —
Я не терплю пророчеств,
Особенно когда пророчества темны.
— У вас там близких нет, —
я продолжал жестоко, —
Вы растеряли тех, кто мог бы вас позвать
Туда, куда мы все по истеченье срока
Уходим…
— Замолчи!.. — он застонал опять. —
Зачем мне нужен там — кто здесь мне
нужен не был?
Ты вздор несешь!
— Ну, что ж… Прощайте!..
— Погоди!
Ты прав! Я одинок в конце пути — и мне бы
Услышать голоса прошедших впереди.

Но не прошел никто. Напрасно напрягаю
Я немощный свой слух — там нету никого.
Ты знаешь, где они?..
И я ответил: — Знаю, —
Хоть знал: ни он, ни я не знаем ничего.
И он об этом знал. И в те пределы глядя,
Где нету ничего,
И перейдя на вы,
— Не бойтесь, — он сказал. — Не бойтесь,
бога ради:
Я все-таки умру, хоть вы во всем правы.
Она меня не ждет. Но кончится дорога.
Должна она позвать,
Простить она должна...
Лишь как ее зовут, скажите, ради бога!
Скажите лишь, зачем она мне там нужна?

Он мне в глаза взглянул...
И не было во взгляде
От взгляда ничего — сквозная пустота.
И, холодно кивнув, он двинулся к ограде,
Где сторож закрывал небесные врата.

ЧЕРДАК

Я понял, что я не усну,
В ненастье окно открывая.
Там ветром качало сосну
И грохала сталь листовая...

...Я встал и полез на чердак.
Но ветром свечу загасило —
И в щели обрушился мрак,
И взвыла нечистая сила.
Я тыкался слепо в углы,
И всюду стонало, гудело,
И мгла, словно тесто, густела,
И бесы свистели из мглы.
«Огня! — закричал я. — Огня!» —
Совсем одурев от испуга.
Ну кто мог услышать меня
За лесом, за ветром, за вьюгой?
Я темень месил кулаком,
Ногтями ей морду царапал.
«Подонки! Ублюдки! Сатрапы!» —
Вопил неизвестно о ком.
И вдруг — словно кровь по игле —
У глаз моих искра мелькнула,
И вспыхнуло что-то, сверкнуло,
И что-то возникло во мгле.
«Тут есть кто-нибудь?» — я спросил
И всхлипы услышал и всхрапы:
«Да, есть. Те, о ком ты вопил.
Подонки. Ублюдки. Сатрапы.
Здесь бал! Здесь всемирный шабаш
Справляет нечистая сила.

Ты с нею,
Ты с нами,
Ты наш,
Тебя эта мгла пригласила.
Ты нынче узнаешь восторг
Предательства —
Волком на запах
Пойдешь ты за ним на восток
На север, на юг и на запад.
Ты станешь, как старость, седым,
Но розовым будешь, как детство,
Вдохнув наркотический дым
Запретной свободы злодейства...» —
«Свечу, — я взмолился, — свечу,
Довольно плести небылицы,
Я лица увидеть хочу,
Какие вы носите лица?!» —
«Прекрасные! — прогрохотал
Тот голос, как сталь листовая. —
Ты их без труда бы узнал
Альбом своей жизни листая.
Смотри...»
Засветилось кольцо
Безжизненным светом неона,
И в нем я увидел лицо
Прекраснее лика Мадонны!
«Ну что, — мгла спросила, — узнал?
Она тебя здесь ожидала...»
И в ужасе я закричал —
И мгла мне в ответ закричала.

«Нет, нет! — я кричал, — Это ложь!» —
«Пусть ложь! — мгла кричала. — И все же
Ты с нами, на нас ты похож
И все остальные похожи!
При свете — друзья и родня,
А ночью — по норам крысиным...»

Нащупав бутыль с керосином:
«Огня, — прохрипел я, — огня!»
И, вспыхнув, сосулька свечи
Повисла во мгле, оплывая;
Я бросил бутыль в кирпичи...

...И тут же очнулся, пылая.
Стонал и шатался мой дом,
И грохала сталь листовая,
И вьюга, весь мир заметая,
Вопила, небес достигая,
Бог знает о чем и о ком.

МАНЯ

Кто родня глухому одиночеству?
Вот оно —
              и в одиночку вновь.
Маня, Маня, где твои пророчества?
Маня, Маня, где твоя любовь?

Как клялась! Как бушевала сила
В молодой и жаждущей груди!..
Маня, Маня, где твоя могила:
Позади любви иль впереди?

Я не укоряю…
                    Ради Бога!
Как тут ни кляни и ни зови,
Ты — в любом бесстыдстве —
                                        недотрога,
Божья Матерь ты в своей любви.

Так ведется только у славянок,
То творится только на Руси,
Где для баб — любой мужик —
                                        подранок:
Подбери,
Согрей его,
Спаси…

Пусть он сразу, как почует волю,
Оттолкнет крылом земную твердь…
Маня выйдет, чтобы в чистом поле
Неотрывно в небеса смотреть.

Взгляд высок, а небеса широки…
Лишь на миг — ожогом на лице —
Вспыхнет взгляд
в воителе-пророке,
Полохнет в губителе-лжеце.

И когда, прощаньем сердце раня,
Скажет Маня:
«Прощевай, родня…» —
И пророк, и лжец воскликнет:
«Маня!..
Маня! Мама! Ты прости меня…»

И пойдут, пойдут они за гробом,
Как любой и каждый человек,
Оба ей прощенные, но оба
Небом не прощенные навек.

Оба бесприютные —
в народе
Столь же бесприютном, как они…
Вроде люди… Не чужие вроде…
Вроде и сердца
Не из брони.

Только что ж теперь?..
Раздольно ветер
В чистом поле травами шумит…
Никого и ничего на свете!
Только Маня в небеса глядит.

Да, оттуда даже —
н и о т к у д а ,
Из непостижимой той глуби
Смотрит Маня, вопрошая чуда,
Вопрошая у небес любви
Для Земли, где, мучаясь, рождают
Женщины, моря, поля, леса…
Вопрошает Маня, ибо знает:
Лишь одна любовь соединяет
Эту землю, эти небеса.
Лишь одна она и оправдает
Грех земли пред святостью небес!..

Смотрит Маня…
Взгляд все выше тает…
Вот он в мироздании исчез…

Надо ли следить за ним, не надо ль, —
В телескопы глядя в те миры,
Где исчезли миллиарды взглядов,
Всех богов и всех волхвов дары? —
Я не знаю…
Лишь пространство свищет!
Каждый миг — как в колокол отлит!..
Только Мани взгляд чего-то ищет.
Маня спит…
А взгляд летит, летит…

И когда свершит труды планета
И пробьет ее последний час, —

Лишь одна любовь, одно лишь это
В космосе останется от нас,
Там, где, не страшась исчезновенья,
Гаснут солнца, рушатся миры,
Долг исполнив и предназначенье…

Но до тех времен, до той поры,
Впереди и за другими следом,
К вечности, чей тайный смысл неведом,
Нам идти — и каждому нести
В бесконечный мир и в дом соседний
Если не любовь, то вздох последний:
«Маня… Мама… Ты меня прости…»

КОЖУХ

Серп посеяла жнея —
Порезалась змея.
Не змея —
Змейка.
Не жнея —
Жнейка.

Детство.

Не страшна медянка,
А страшна гадалка,
Что живет за речкою
С волком и овечкою.
Волк овечку не дерет —
Что с овечки толку!
Волк Володьку унесет —
И хватит волку.
— Как волк воет?
— У-у-у...

Не страшно.

Луга гудели осами,
А мы по осам
Босиком.

Из огненной рогатки
За громом гром
Над нами,

А мы ватагой — в прятки
Со смертью,
С громами.

У Леньки вон лимонка!..
И в дальнем логе
В костер лимонку —
И дай бог ноги!..

В карманах револьверы:
— Стой! Шутки брось!

Первые пионеры
Сташук и Дрозь!

Червоннокрыло
Галстуки горят.

«Леньку у-у-би-ло-о-о!..»
«Ой, свят, свят...»

...Я вырастал из детского пальто
Быстрей, чем травы в лето вырастали.
И, словно в наказание за то,
Мне новое пальто не покупали.

К зиме не влезть в одежку, хоть кричи.
Одежка доставалась брату Ваньше.
Дед говорил:
«Хорошие харчи
Пошли после войны... Не то что раньше».

Я плакал от обиды на печи,
И дед мне гладил плечи:
«Ну же… ну же…»
Я зло молчал: «Хорошие харчи!
У Леньки у соседского не хуже!
Но Леньке сшили новенький кожух,
А на моем —
Заплата на заплате!..»

В ответ вздыхал
И горько думал вслух
Мой дед:
«У Леньки
Батька председатель».

«Дела какие! — злился я опять. —
Вон у него культя зато… И грыжа.
А то, что председатель…
Могут снять!
Он рыжий!
Пьет!
У нас не любят рыжих!
Но рыжим — счастье,
бабка говорит…»

Мы с Ленькой по траншеям гильзы рыли.
И — ахнуло! И Ленька был убит.
И всей деревней Леньку хоронили.

Отец его от пьяных слез опух,
А вечером, поминками контужен,

Вдруг притащил мне новенький кожух
И кинул:
— На!..
Носи вот...
Нам не нужен.

Я закричал!
И бросился к печи!
Я к кожуху притронуться боялся!..

Сосед просил беззвучно: «Не кричи...» —
И белыми губами
Улыбался.

Во мне возрос — и захлебнулся крик.
«Опомнись ты!..» — соседа в спину били,
А он свое: «Кожух чуть-чуть велик...
Да ты примерь... На вырост Леньке шили...
Тебе, гляди-ка, будет в самый раз,
Ты ростом взялся... Шибче Леньки вышел...»

Мне показалось, будто свет погас.
Дед плакал утром:
«Молодчина... Выжил...»

Я выжил.
И претензий к жизни нет.
Я вдоволь ем. Одежду не латаю.

Но в страшных снах
я с тех далеких лет
На кожухе на Ленькином летаю.

И Ленька
из космических прорух,
Из бездны той, в которой дна не вижу:
«Отдай!.. — кричит. —
Отдай, отдай кожух!..»

И с каждым сном
Он подлетает ближе.

ГРУЗОВИК

По осенней стылой хляби —
без дороги, напрямик —
от ухаба до ухаба
полз колхозный грузовик.

К юбилейной местной дате
нас, артистов-школяров,
вез на праздник
председатель
по фамилии Шаров.

Не за нами ехал в дали…
Знаменитостей хотел…
Знаменитостей
не дали.
Ранг не тот колхоз имел.

Председатель был в обиде…
Словно ярому врагу,
он кричал шоферу:
— Видел?!
Ранг не тот!
Не по рангу́!
Врешь! — твою такую в душу —
Ишь, дорвался до рангов!..

А шофер:
— Шаров, послушай:
дети всё же…
Слышь, Шаров.

В чем ребята виноваты?..
Вот сболтнут потом со зла,
что начальство кроешь матом —
и табак твои дела.

— Застращал!.. Меня стращают,
знаешь как?! Не знаешь как…
А ребята пусть смекают,
Привыкают, так-растак.

Разве в них моя обида?..
Та обида — шут бы с ней —
для подначки лишь, для вида,
есть обиды посильней.

Нахлебался их — от пуза.
Не один на шкуре шрам.
Тормозни… Давай-ка в кузов
перепрыгну к школярам.

Прыгнул. Ахнул вдруг от боли.
— Ничего, орлы… Живем.
Что притихли? Спеть вам, что ли?..
Подпоете?..
— Подпоем.

— Где гармошка? Дай гармошку!..
Да не бойся, сберегу…
Вот беда…
Забыл немножко…
Ну да ладно, как смогу.

Заиграл… Фальшиво, плохо.
Попросту ни в склад ни в лад.
По мехам гармонь похлопал…

Рассыпая самосад,
закурил — и вдруг:
— Ребята!
Вам, конечно, что!..
Смешно!..
Хорошо ж играл когда-то,
ну ей-богу,
хорошо!..

Разучился, елки-палки!
Позабыл! А ведь умел…
Эх, не вышла песня… Жалко.
С сорок первого
не пел.

В чем-то сам я виноватый,
в чем-то чертова война…
Только жизнь идет, ребята, —
и не кончится она.
Я ношу свои медали
не затем, чтоб в зал сиять,
не как знак, что воевали,
а что можем
воевать!..

И внутри его гудело,
и свистело что-то в нем…
— Вот, орлы, какое дело.
Как-нибудь потом
споем.

Что вы, хлопцы?..
                    Испугались:
экий батя матерной!..

Мы и впрямь его боялись,
нам казалось он не свой,
этот «батя». Не советский.
Может,
        даже
              он
                  шпион!..

И смотрел оркестрик детский,
как стоял
и плакал он.

Но шпионы разве плачут?
Разве ходят в орденах?..
Что же
все же
это значит?!

И, осилив детский страх,
я схватил свою гармошку,
хромку новую мою,
я умею не немножко,
слушай, батя, как пою!..

И хотя я пел не очень,
но басил и голосил,
но орал что было мочи,
изо всех ребячьих сил!

А когда умолк я — батя
тихо вымолвил:
— Сте-ер-вец…
Ну, хвалю же… Лихо сбацал.
Сильно можешь.
Молодец.

…По размоинам, ухабам —
надрываясь, тяжело —
грузовик трехтонный хлябал,
вез артистов на село…

В детство горько возвращаться,
если в детстве
детства нет…
Но я помню: состояться
должен вечером концерт,
и гармошку на минуту
из футляра достаю,
хоть играть я почему-то
разучился. Так пою…

ВАРШАВСКАЯ ОСЕНЬ

Варшава. Осень.
Полночь. Патрули.
Шаги солдат грузны и неторопки...

Мы тихо нашу встречу провели —
шампанское не выбивало пробки
в квартире той, куда мы забрели.
Искомое не выводя за скобки,
Мы пили чай, мы разговор вели.

Хозяин наш — философ и гусар —
до лба пятнистый, словно ягуар
(лицо металл немецкий искалечил),
все комкал плед, накинутый на плечи,
и зябко руки грел о самовар.

— Что ж, — он сказал, —
сейчас не лучший час,
подобный час
приходит всякий раз,
как подменяют люди напоказ
неправдой — правду, видимостью — славу...
И всё-таки я счастлив видеть вас —
лишь для любви
Господь создал Варшаву.

Он чашку с чаем поднимал:
— Виват!
За вас, Христина! И за вас, собрат!
Бог для любви Варшаву сотворил!..

Про это только он и говорил.
Я жаждал разговор переиначить:
— Вы воевали…
— Это мало значит!
По мне моя Варшава не заплачет,
я ей любви — увы! — не подарил.
Я бился за нее на всех фронтах.
Когда ж вернулся в славе и слезах,
меня моя Варшава не признала…
Она среди пожарища стояла,
и роза пунцевела в волосах.
Я говорю красиво?.. Может быть.
Я поздно стал красиво говорить —
после того, когда отхаркал порох.
Но ненависть в моих чернела порах,
а с ней в Варшаве невозможно жить.

— Везде живут, — сказал я невпопад
(была мне это пропись в аккурат),
а наш хозяин — отставной солдат —
не принимал искомого другого,
и мне в ответ он посмотрел сурово,
вновь чай налил и чашку взял:
— Виват!
Лишь для любви создал Варшаву Бог…

В конце концов меня он превозмог,
он смог быть — удивительное право! —
бесчестья ниже и превыше славы…

И я не смел переступить порог
его неосязаемой Варшавы.

Он проводил нас,
как чужой — чужих,
и мы пошли вдоль улочек пустых,
где плотным ветром ухало под дых,
где на витринах билась паутина,
где имя твое хриплое —
Христина,
звучало, как невыплаканный стих.

И в ту же ночь, как тронулся вагон,
в стекле оконном отразился он,
из тьмы кромешной выплывший двойник,
И к моему лицу
лицом приник.

Срываясь
с гулким грохотом
с моста,
за ним летели плач и пустота,
неправота судьбы и правота —
и я не мог от них отгородиться!..

— Вам чаю?.. — вдруг спросила проводница
и занавеской скрыла лик Христа.

ДОМБАЙ

Так близко до неба —
хоть звезды в папаху сгребай.
Вознесшийся вверх
по тропинке обрывистой, скользкой:
«Домбай!» — я вскричал.
И откликнулось эхо: «Дом-ба-а-й...»
И тенью прошел по вершинам
Микола Гусовский.

— Куда вы? — спросил я.
И он мне ответил:
— Туда.

Прошли альпинисты —
Элитные дети прогресса.
— Со мной ты иль с ними?.. Решай.
Коль со мной, то айда,
Пока не погасли
Гортанные песни черкесов.

Мы двинулись рядом
На пламя далеких костров.
Как страшно с бессмертным
Шагать по тропинке спиральной!
— Скажи мне:
Охотятся нынче у вас на зубро́в?

Я лживо кивнул.
Он в ответ улыбнулся печально.

Чабан, у костра нас приветствуя,
Подал айран:

— Питье без отравы…
Напиток, не годный для Рима.
— О чем ты, чабан?
— Я о жизни,
О людях, алан*,
Что жить и любить
Не умеют без масок, без грима.

Мы долго молчали.
На севере месяц потух.
Ступали планеты
торжественным маршем парада.
Ни кто мы,
Ни что мы, не спрашивал старый пастух.
Я встал, чтоб идти.
А Гусовский промолвил:
— Неправда.
Неправда! Без грима
Наш пот, и мозоли, и хлеб.

Не спорил чабан:
— Я вот байку одну вам разбаю.
Жил бай на Домбае.
Наладил он рай на земле —
С вином и гульбою —
как рай этот виделся баю.
Он спаивал зельем своих ненадежных служак,
Наймиты везли их, уснувших, к вершинам Домбая,
А там им внушали:
«Вы в рай вознеслись не за так —

* Друг, приятель *(карачаев.)*.

За верную службу,
За труд ежедневный на бая».
Три дня им дарили на райские игры.
Потом
Вновь зельем поили
                    и к баю везли среди ночи.
«Джигиты мои!
Пошатнулся от горя мой дом,
Когда вас не стало!
И слезы сожгли мои очи!
Я небо молил и сказал мне аллах:
«Забирай
Батыров своих...»
Вас молитвы мои оживили!
Служите мне честно —
                    и каждый воротится в рай.
Служите мне верно!»
И верно
        батыры
                служили.

— Знакомая байка...
Но я не служил королю —
Великому княжеству,
                    Родине, без укоризны.
Что смог, то свершил.
И, быть может, еще пособлю:
Есть новая песня в зачине во славу Отчизны.

Одно угадал ты: я ведал великий обман.
Но правды не предал,
Собрав свою правду по горсти!..
— Да кто вы такие? —
Спросил наконец-то чабан.

Смолчал я.
Гусовский сказал:
— Чужеземные гости.
Спасибо, чабан, за приют, за айран, за огонь.
Пора мне!
В дубравы,
на лозы,
к привычным свободам…

И свистнул негромко.
И встал будто вкопанный конь.
И тенью исчез чужеземец
из Гусова родом.

— Вот это джигит!
Ну а лошадь — не каждому сесть!

Последние искры в костре чабана пировали.
— Скажи, чужеземец,
поэты в краях ваших есть?
— Бывали, — сказал я. —
И зубров в лесах убивали.
Прощайте…
— Бывай. Если что-то не так, извиняй…

К рассвету доспели
Светил золотые орехи.
Я сгреб их в папаху,
Взывая в пространство: «Дом-ба-а-й!..»
И долго катилось,
и топало,
цокало,
шорхало эхо…

КОЛЕСО ОБОЗРЕНИЯ

Да, сначала я выдумал молнии,
Спички — потом.
Если вдуматься, странно:
Будто молнии выдумать легче.

Позже Ева согнула лозину,
Косою связала концы —
Колесо получилось.
— Папа, пустим с горы!

И оно покатилось
Все быстрей и быстрей:
колесницей,
Самокатом и велосипедом,
Паровозом и автомобилем,
И судьбы колесом,
И еще колесом обозренья
В детском парке
у берега Свислочи
в Минске.

Да, я выдумал молнии,
И за это был избран в отцы
Той плутовкой по имени Ева,
Которая изобретает колеса.

И она привела меня в парк.
Мы купили билеты
И сели в зеленую люльку.

— Колесо твое будет катиться? —
Спросил я.
Она промолчала в ответ.
— Или будет крутиться? —
Спросил я.
— Нет, — Ева сказала. —
На моем колесе
Будем мы
Возвышаться.

Возвышались мы плавно —
И вниз уплывали деревья.
— Значит, можно возвыситься, видя,
Что кто-то становится ниже,
Или думая так? —
                    я спросил.
— Нет, — сказала она. —
Возвышаться — так вовсе не думать.
Думай так, чтобы все возвышались.

Я подумал — и тотчас
Деревья возвысились с нами,
А под ними,
            на штырь телебашни насаженный,
Словно жернов, ворочался город,
И в трещине жернова стыла река.

— Либо — либо, — сказал я. —
Если жернов срастется, то вытеснит речку,
А развалится жернов —
Все проглотит песок.

— Нет, — сказала она. —
В возвышении — выход.

Город стал возвышаться.
Обвила, словно обруч, его
Кольцевая дорога,
От которой лучами
Разбегались пунктиры
Могилевской и Брестской,
Московской и Слуцкой дорог.

— По какой из них выход? —
Спросил я.
Она улыбнулась:
— По всем.
Когда дети становятся взрослыми,
Все они явно глупеют.
Жаль...
Кинь молнию вниз.

Я, обиженный, бросил...
Хлестнуло
Вдоль проспекта, как плетью,
И вспыхнули окна в домах.
Покачнулись деревья.
Как дробь, воробьи сыпанули!..
Но никто из людей,
Что придумали громоотводы,
Да, никто —
ни один! —
В небеса на бегу не взглянул.

— А теперь кинь им спичку.

Я кинул.
И сразу внизу закричали:
— Кто там в небе балует?
Что за глупые шутки с огнем!
Оштрафуем!..

— Вот видишь, —
Притворно плутовка вздохнула, —
Ты обиделся зря. Я во всем оказалась права.
Надо всем возвышаться.

А люлька зеленая наша
Замерла на мгновенье,
минуя предел высоты.
— Как теперь возвышаться? —
Спросил я.
Она рассмеялась:
— Да просто!
Мы сойдем с колеса,
Пока люлька не двинулась вниз.
Дай мне руку.

И прыгнули
Мы из качнувшейся люльки,
И пошли к облакам, взявшись за руки…

Следом за нами
Колесо покатилось,
Искрясь,
Возвышаясь,
а в нем
Время огненной белкой
Скакало по спицам столетий…

КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Алексею Дудареву

Я стал победителем. Нынче пирую.
Восторги по почте.
Целую.

Привет вам, мещане.
Вы люди простые, хорошие.
Что в будущем вам обещали —
Теперь уже прошлое.
Как дружно вы дунули
На свет, что едва замаячил…
Когда вы не дурни —
Я всем вам желаю удачи.

Собратья Победы! В юпитерах ярких
Со мной вы бежали по склонам Олимпа,
Сметая, круша триумфальные арки,
Разящие разною липой.
Ваш бег, что относится
К жанру свободных,
Не нравился многим —
В итоге:
Торопятся,
Лепят подобных.

Завистников хевра!
На памятных снимках
Со мной вы в обнимку…
Да хрен вам.

Вы спали и видели:
Ну, победитель,
сломай себе шею!
Для вас победители —
Словно живые мишени.
Но бьете вы, целясь
Туда, где мгновенье назад
Бежал победитель, — и пули сквозь тени
Летят.

От всех вас, кто скромно
Живет, ожидая
Удобной минуты, чтоб выстрелить,
Спасает нас скорость —
Такая,
Что вам упреждения угол не высчитать.

Друзья, побежденные мною,
Останьтесь друзьями,
Без вас я не стою
Победы.
Победа — за вами.
Мы были на равных затянуты в сбрую,
Сдиравшую кожу.
Я — нынче пирую.
Вы — позже.
У всех будет праздник!
Никто навсегда не последний...
И перворазрядник
Ворвется на финиш победный,

Где слава, как финик,
Сегодня сладка,
но где завтра
Рванешься — и в метре от финиша
Свалишься замертво.

Подкинет раззяву:
«Вот — славы отрыжка!
Вот — плата за славу!
Гляди: победителю крышка!
Хоть он улыбается,
К кресту пригвожденный,
КОНЦЕРТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ
ОТМЕНЯЕТСЯ!
А Н Ш Л А Г
НА КОНЦЕРТ ПОБЕЖДЕННЫХ!»

Ценители
                    в зал для концертов
Набьются, как в зал для суда,
Судача: на сколько процентов
Звезда, что сгорела,
                                        звезда?

Партерные кресла
Разморенно будут поскрипывать,
Пока над оркестром
Не вспыхнет, как молния, первая скрипка —
И высветит лица
Восторгом,
Виной,
Искупленьем...

Пускай это длится
Недолго,
Победа — мгновенье,
Но этого мига
уже не стереть отпечаток...

На сцене, на ринге,
В перчатках —
и так,
без перчаток,
В поэзии пекле,
В аду стадионов ревущих
Сражается первый
За следом идущих!

Не вечен он, первый.
Олимп — это звездная плаха.
Не выдержат нервы.
Но первый не ведает страха.
Рисковый, раскованный,
Мчится он в звездном потоке,
Чтоб был коронован
Короной Победы
Потомок,
Кто лучше напишет
И выше над планкой взлетит!..

Он — первый, кто видит и слышит
Всех тех, кто его победит,
Кто чиркнет кометой
По небу крутому Победы,
Отмеченный метой
Идущего следом!

АВВАКУМ

Гул
      над Волгой катится,
громыхает медью...
Во селе Лопатицы
пляшут
медведи!
Ух,
как пляшут!
Так, что
              с морд
градом
хля медвежья.

Пляске
дивится народ,
а медведей между,
больше в дырах, чем в портках,
прыгучи, как блохи,
на
го-
ло-
вах
ходят
скоморохи.

Жизнь така — что смерть легка.
Тощего,
грешного
весели мужика,
мужички потешные!
Без умолку
                     бубны бьют!

Пропади ты,
Страшный суд!
Э-ха,
        по-
            те-
                ха!..

А меж смердами,
усердными
работать
не роптать,
на разостланных коврах,
золотой весь —
                          глянуть страх! —
поигрывает плетью
боярин Шереметев.
Повелел он отдохнуть,
он неблизкий держит путь:
воеводой царским
во Казань татарскую.

А народ
              все
                    прет,
разевает рты народ:
то не каждый день ведь,
чтобы сразу для народа
скоморохи!
И медведи!
И боярин-
воевода!

Вдруг
            из церкви,
что на взгорке
отражала крест в реке, —
бородатым
                        черным
чертом —
поп
       с рогатиной в руке.
Скоморoший кураж
веру
подрывает!..
А народ
                 в восторге
аж
завывает!
Тычет в бок кума кум,
ахи,
охи...
Аввакум! Аввакум!
Ну, держись,
скоморохи!
Налетел, удалой,
на медведя! Пятерней
в гирю весом
хвать по морде —
с лап долой.
Выбил
беса.
Никого во имя Бога
не щадил...
Крошил!
Ломал!

— Эй, держи попа шального! —
Шереметев хохотал.
— Прыток,
ловок,
            окаянный…

Приказал к себе вести
и —
по лбу его чеканом
чуть не до смерти!
«Вот тебе, строптивый поп,
не мешал потехе чтоб!

Рухнул поп, лицом багрянясь,
крикнул,
            длань подняв с крестом:
— Псы!..
Над кем вы надругались?!
Над Христом!
Перед небом грех содеяв,
веселитесь?..
            Блудодеи!
Но страшитесь:
у Христа
шелепуга-то
            востра!..

Замер люд. А Шереметев ухмыляется:
— Ответим, поп, за всё… Давай вставай!
Впредь потехе не мешай.
Для тебя она грешна,
для меня она смешна.

Рожу вытри! Вся в крови…
Сына мне благослови.
Ну!

Поднялся Аввакум:
— Ты чеканом выбил ум
мне или себе, боярин?..
У меня благословляться
блудоносу?
Бритобрадцу?..
Не бывать вовек тому!

Аввакума за корму
на веревке привязали,
раскачали
и —
бултых
в Волгу.
Только не затих
поп строптивый.
Под баграми
глухо ухала вода,
поп тонул, вращал глазами:
«Никогда!
Никогда!..»

— Ладно, — молвил Шереметев, —
чертов поп, живи…
Но впредь
сам запомнишь,
скажешь детям:

так смотреть
на все на свете,
как боярин Шереметев
повелит тебе смотреть.
Понял?..

«Дудки!» —
поп подумал.
И хотел сказать — не смог.
Лишь тяжелой кровью сплюнул
у бояриновых ног.

СЦЕНА

Я выходил на сцену — и читал
стихи,
          интимно
                    голос
                              понижая...
Передо мной был зал. Обычный зал.
В нем стыла тишина сторожевая.
Я знал, чем подкупить его и взять,
Какое как вшептать стихотворенье,
И знал, где будет он рукоплескать
И где молчать, храня недоуменье, —
Все шло привычно. Как всегда.
И вдруг,
Поведав про любовь, измены, муки,
За веерами хлопающих рук
Увидел я молящиеся руки.
Та девочка
                    прижала их к щекам
И, замерев, не слыша всплесков зала,
Моим рукоплескательным стихам
Не хлопала... Она им
                                        сострадала.
На донышках ее прозрачных глаз
Слова мои темнели болевые...
«Ах, глупая, — подумал я, —
                                                  сейчас
Скажу тебе веселые, смешные,
Вот слушай:
озорные, про коня,
Который пел
И говорил стихами...»

Но девочка
смотрела на меня
По-прежнему болящими глазами,
Как будто я, кого-то схоронив,
Вдруг на поминках
Веселиться начал!..

И замолчал я, все стихи забыв.
Мне стало страшно, что она заплачет
И, полная моей красивой лжи,
Зрачками все темней светя и уже,
Поднимется и крикнет:
«Докажи,
Что с этой ложью
ты кому-то
нужен!..»
И стал я говорить слова не те,
Которые привычно брал из дома…

«Да, девочка… Мы в нашей суете
Друг другу так постыдно незнакомы.
Мы одиноки на виду у всех,
И так разноязыки души наши,
Как будто мы все искупаем грех
Гордыни зодчих Вавилонской башни.
Свою гордыню стали мы стеречь —
И близостью друг друга только дразним.
Мы столько не отпраздновали встреч,
Что стали забывать про этот праздник.
Стихи читать, как на балконе петь,

Неловко...
                    Но, чужбинные донельзя,
Мы стали одиночеством болеть
Со сладостью!
                            И нет страшней болезни!
И потому, как лекарь врачевать
Пытается одной святою ложью,
Поэт вдруг выйдет на эстраду врать,
Уверовав, что эта ложь поможет,
Что, зал притихший ею оглушив,
Он,
     выбрав лица, как мишени в тире,
Соединит хотя бы две души,
Хоть две судьбы
В разъединенном мире...

Поэзия — река,
Поэт — паром,
Но дно реки
заносят ил и глина.
Скажите,
вам
Страх немоты знаком?!
Я столько раз над письменным столом
Склонял ночами голову повинно
И понимал, что существую зря,
Ни для кого... И ничего не стою.

Поэзия — наивная игра,
Занятие трагически пустое,
Когда слова, как за рекой огни,
Мерцают и обманно, и неясно,
И подступают с бритвою опасной
К немому горлу
Яростные дни,
И так болит все то, что не сказал...

И наплевать, что станет делать зал:
Дарить цветы или ногами топать...

Ты, девочка,
смотри в мои глаза.
Я не читал стихи. Не надо хлопать».

М А Л А Н К А

П о э м ы

ПРОЩА*

1

Под ветром залетным в огне золотом
Полощется роща.
За ветром, за полем — в покое святом
Есть озеро Проща.

На озере том на лазурной воде
Свет лилий белеет.
Душа моя там, как на Божьем суде,
Болит и светлеет.

Меня это озеро в воды, звеня,
Прозрачно влюбило.
Боится воды его, точно огня,
Нечистая сила.

Светлеет в том озере церковь на дне
Свечою высокой.
На звоннице той спит звонарь в тишине
Глубоко,
Глубоко.

* Место, наделенное надприродными (сакральными) свойствами. У язычников оно чаще всего обозначалось камнем, родником, у христиан — придорожной часовней.

На лилиях белых ему так давно,
Так ласково спится.
Серебряно снами усыпано дно
До самой светлицы.

Улыбка блуждает на чистых губах,
Как ветрик пролеска.
Стоит неподвижно вода в берегах —
Ни звона, ни всплеска.

Дремотно своим и чужим берегам —
Ни волн, ни печали,
Как будто не спрятали в озере храм —
Могиле предали.

Веками плывут облака или дым,
Бездонно, бездомно —
Над храмом на дне, над крестом золотым,
Над звонницей сонной.

2

Ты бездну изжил и явился на свет.
И смерть — твоя двойня.
Когда ты звонарь или просто поэт,
Твой дом — колокольня.

Потоп на земле или вещий пожар,
Чума или войны,

Когда ты поэт или просто звонарь,
Ты лишний, ты вольный.

И нет у тебя ни друзей, ни родни,
Ни манны, ни хлеба,
И все твое там, где слепые огни
Холодного неба.

Да, все твое там, а внизу — ничего,
Взирай с колокольни
На оторопь света, безумье его
От бойни до бойни.

Там сеча на сечу, на брата ли брат,
Вопят ли витии,
Оставь им мечи и последний парад —
Игрушки земные.

Пусть жгут города и позорят сестер,
Не клянчи, не кайся,
Цепляйся за искры, за дым, за костер,
С небес не спускайся!

Сынам не отцы и отцам не сыны,
До Божией кары —
Пускай, ненавидя, возлюбят они
Вождя их отары.

И пусть выбирает
хозяина свет —
И птицам, и рыбам,
Когда ты звонарь или просто поэт,
Ты сделал свой выбор.

Ты братьев безглазых оставь, как кротов,
По норам их тесным.
Твоя колокольня — корабль без бортов
По волнам небесным.

Пусть ринется мир на тебя одного,
Не бойся расправы.
На свете бессовестном нет твоего —
Ни лжи и ни славы.

Кто царь на земле — тот на небе не царь.
Облитый кровями,
Он смотрит на звезды, ничтожная тварь,
И блещет слезами.

И слезы, и кровь — лишь роса на цветах.
Небесное снится:
Царь-рыба плывет по волнам в небесах,
Над рыбой —
Царь-птица.

3

Митинговые улицы, полные яростной мощи,
Я покину однажды и двинусь до озера Прощи,
Что синеет на родине — как василек на стерне,
И церквушку со звонницей прячет до срока на дне.

По дороге болящей,
сожженный виною дотла,
Я войду в тебя, Проща, качну твои колокола
И, обласканный Прощей, за всех,
кого просто люблю,
Помолюсь и поплачу, свечу не спеша запалю.

Золотистою рыбой свеча поплывет в синеве,
Золотистой змеею скользнет по счастливой траве,
И пчелой золотой полетит над полями она,
Над водой, над землей, что дарована всем нам одна.

Ту свечу однокрылую —
                    в церкви, звонящей со дна,
Мне над озером *прощи*
                    держать до последнего сна.
Берег Прощи —
            один,
                и, над озером стоя, с него,
Как бы мы ни толклись —
                    не спихнуть нам один одного.

Как бы мы ни шалели, зверея от лютых страстей,
Между нами ни тени от прошлых, незваных гостей,
Только мы
        между нами —
                    и жить нам, не в прорву крича,
А над Прощею жить.
Так недолго,
        как тает свеча.

Пер. с белорус. Михаила Шелехова

СПРАВКА О РОЖДЕНИИ

1

Год послевоенный.
Год работный.
Из руин не выветрился дым.
А на танцах, скользкие от пота,
кирзачи и хромовые боты
режут польку
шагом строевым.

Год послевоенный.
Год гордыни.
Списки зла еще не сведены,
И молчат колокола Хатыни,
и к погибшим в Праге и в Берлине
письма сквозь железные пустыни
всё ползут на тот конец войны.

Год послевоенный.
Год печали.
Карточки...
По ним и хлеб, и соль.
И людей — хоть жив товарищ Сталин,
хоть перемогли и отстояли —
все никак не отпускает боль.

Эта боль — под рельсами взрывчатка...

2

Косовица.
Старенькая жатка
тянется сквозь жухлую траву.

Председатель хыкнул на печатку,
шлепнул по бумажке — и живу.

Первый сорт.
Послевоенной пробы.
Так природа порешила,
чтобы
стал я сыном выжженной земли.
Так невероятный случай выпал:
батьку снайпер выбивал — не выбил,
маму в ров вели — не довели.

Вот моя неконченная повесть,
крови с долей яростная помесь,
что сквозь марлю лет не процедить.
Памятью своей я не свободный —
Родина
войною всенародной
выясняла: быть мне иль не быть!

А душа моя искала тела.

3

Быть хотела!
И дышать хотела!
Не в ромашке с вывернутой шеей,
не в кузнечике, стрекочущем в траншее, —
быть хотела и дышать
во мне.
Новенький, блескучий, лучшей пробы,
посредине голода и злобы
выжил я наперекор войне.

На границе запада с востоком
я лежу, сверкая тощим боком,
знать не зная про свое житьё,
кровный сын
Некляева Прокопа,
Стаси Магер
Божие дитё.

4

Трое нас.
Все живы, не убиты…

5

Пахнет медом. Доспевает жито.
Час серьезных дел… Не до крестин!

Председатель с чаркой недопитой
говорит за всех гостей один.

Председатель — человек с основой.
Старшина.
Герой.
Гвардеец.
Франт.

Козырял он незнакомым словом
«факт».

Кобурой поскрипывая новой,
звонкими медалями сверкал…
Председатель говорил толково.
Вот что на крестинах он сказал:

Факт, что власть Советов победила,
Факт, что у врагов уже инфаркт.

Факт, что жито нынче уродило.
И что я родился — тоже факт.

Факт еще, что банда полицаев
недобита в Сутьковской норе...

«Ну, про полицаев — обещаю», —
щелкнул старшина по кобуре.

Той порою щелкали завзято...

6

Ночью брали Кобенка Игната,
первого бандита на район.
Взяли.
Повязали.
Показали.
— Он? — спросили.
— Этот, — отвечали.
А седой Стапуль сказал:
— Не он.

7

Трех красуль — невесток Стапулевых —
на суках весенних тополевых
вздернул Кобенок.
Веселый был.

Первую — за кровь ее чужую,
что скрывала первую — вторую,

третью... —
так,
Бог троицу любил.

С ними рядом на суках кленовых
трех сынов — кровинок Стапулевых
Кобенкова банда подняла:
первого — за кражу часового,
что не выдал первого — второго,
третьего...
чтоб троица была.

Шесть ночей и дней качал их ветер...

8

Грянул в мае, обнажая ветви,
с тополей и кленов листопад!
Страшные деревья незнакомо
день и ночь у Стапулева дома
шепчутся, колышутся, шумят.

9

А Стапуль свое:
— Не он. Ошибка.

10

Вечер.
Сад.
Под яблонею — зыбка.
К осени подвинулась земля.
Падают сомлевшие ранеты.
Колготит толпа у сельсовета.
Суд сегодня.
Судят Стапуля.

Суд — во френчах.
Крестный — в безрукавке.
Он суду показывает справку
с дырочкой от пули в уголке.

Холодно глядит в простор охрана.
И слова — казенно, деревянно —
по рядам плывут, как по реке.

11. Суд
(Протокольная запись)

К р е с т н ы й
*(то запнется, то собьется)**
— По законам новым, как ведется,
Я понес мало́го в сельсовет.

Г о л о с
— Мог и без ребенка…

К р е с т н ы й
— Так не ведал…
Думал, как крестить…

С у д
— Один?

К р е с т н ы й
— С соседом.

С у д
— Стась Стапуль свояк вам?

* Пометка секретаря суда.

Крестный

— Да, сосед.

Суд

— Так сосед или свояк?

Голос

— Соседи!

Крестный

— Ждем.
Сказали: «Председатель едет».
Кабы знал, так сразу б за порог…
Ну, сидим…
За словом слово доим…

Суд

— Что?

Крестный

— Гутарим…
Входят, значит, двое:
Старшина и этот… Кобенок.

Суд

— Без конвоя?

Крестный

— Тот потом заскочит…
Председатель черный — даже очи
угольками цвиркают на свет:
«Узнаешь подлюгу?
Ты же местный!»
Я ему: «Так человек известный».

А Стапуль как есть уперся:
«Нет».
Председатель в крик — и на старóго:
«Покажи мне Кобенка другого!
А-а, врага жалеешь, мать твою!»

С у д

— Вежливей... Здесь женщины и дети.

С т а п у л ь

— Признаю все сущее на свете.
Лишь в зверье людей не признаю.

К р е с т н ы й

— Вот. Сказал он так — и я поверил.

С у д

— Где Стапуль топор взял?

К р е с т н ы й

— Возле двери...
Там дрова лежали у дверей.

Г о л о с

— Сам принес! Дрова-а...
Сейчас не вьюга.

К р е с т н ы й

— Кобенок — здоровая зверюга...

С т а п у л ь

— Как без топора среди зверей?!

С у д

— Так. И что ж?

К р е с т н ы й

— Он кинулся на Гната.

С у д

— Кто?

К р е с т н ы й

— Стапуль.

С у д

— А вы?

К р е с т н ы й

— Я виноватый.
За руку схватил: «Постой, сосед!»
Председатель… цап… до пистолета,
Кобенок, что кошка, — прыг… и это,
Сноровился… выбил пистолет.
Тут, на грех, дитя заголосило.
Кобенок, нечистая он сила,
целится в него:
«Щенок — в залог».
Я ему: «Игнат, побойся Бога!..»
Председатель заслонил мало́го.
Гнат — стрелять.
Ему и Бог — не Бог.
И тогда Стапуль его с размаху…
Тут уж набежали…
Я со страху
Выскочил с мальчишкой — чуть стою…

С т а п у л ь

— Я за смерть старшинскую в ответе.
Признаю все сущее на свете.
Лишь в зверье людей не признаю.

Г о л о с

— Ну а справка?

К р е с т н ы й

— Справка честь по чести:
Подпись… и печатка… все на месте…
С ним была… А пуля в уголок
Угодила…

12

Справку не вернули.
Подшивали — дырочку проткнули,
круглую,
такую ж, как от пули,
там как раз, где значится предлог.

13

Вновь шумят деревья незнакомо
злой бедой у Стапулева дома.
Прошлое опасно ворошить.
Год послевоенный,
жизнь сурова.
Шепчет мама Стапулево слово.
Я еще не смею говорить.

Я пока не знаю, что судьбою —
кровной связью —
связан со страною,
вынесшей меня из мглы войны,
и что всем на свете ей обязан,
и, как сноп на поле,
перевязан
перевяслом жизни старшины.

14

…Я однажды встану среди ночи —
горькой, перекрученной, сорочьей —
и совсем спокойно гляну в очи
правде
и неправде Стапуля.
А пока живу как в смертной схватке:
Кобенок
сквозь дырочку на справке
целится и целится
в меня.

Пер. с белорус.
Вадима Кузнецова

МАЛАНКА

Гроза прошла. И клекот грома
Затих…
          И вдруг в проем окна,
Магнитом памяти влекомый
Вплыл шар…
«Она!
Ужель она?»

Шар наплывал,
Он бился ало,
Как сердце, с той же частотой.
Какая боль его сжимала?
Какая радость распирала?..

«Ужель она?»
Он был пустой,
Клубок небесный… Он светился
Насквозь, но в страшной глубине
Извечный сумрак в нем клубился…

Я все забыл!
Со всем простился —
И память спалена в огне!
Маланка!..

Время раздвоилось,
И — наяву или во сне —
Она вплыла в меня, вкатилась,
И взорвалась она во мне!

…Был сон. Маланкой сон тот звали.
А может, явь звалася так.
Была она.
Был Ай-Кайлак,
Где днем и ночью штурмовали
Крутые волны склоны гор…
Мы там пещеру отыскали,
Втащили скарб,
Зажгли костер —
И жить там стали…
Оба знали,
Что это все — забава, блажь,
Игра, ребячество, не боле,
Что не сбежать от вольной воли
И не найти ее…
                                        Но *наш*
Костер был, *наше* мясо клали
Мы печься, *нашим* поливали
Вином…
Там лился водопад
С питьем веселым,
                                                был там сад,
Где звери вольные гуляли,
И птицы вольно гнезда вили,
И вился дикий виноград…
Там много лет тому назад —
И жизнь назад, и смерть назад! —
Мы в небе молнии ловили!

Любили мы…
О, немощь слов!
О звуки эти холостые!
Отрада, счастье, страсть, любовь… —
Лавина слов!
И все — пустые.
Песчинки, что от бывших глыб
Остались как намек на глыбы.
Немые мы.
Немее рыб.
А может, мы и вправду рыбы,
И тайна матери-воды
Живет в нас немотой невольной…

Идет Маланка вдоль гряды,
Следы ее целуют волны.
Литая стать!
Крутая бровь!
С плеча, от солнца золотого,
Стекает свет…

Восторг? Любовь? —
Не подобрать ей в пару слова,
Когда за ней летят стрижи,
Крылами небо половиня…

— Гомер!
Что видишь ты, скажи?..
«По берегу идет богиня».

Поэзия!
Твои столпы
Слепцы! Ну что слова их стоят?!

Поднялись радуги столбы
Там, где Маланка косы моет.
Она стоит у той межи,
Где хлябь не знает постоянства...

— Гомер!
Что видишь ты, скажи?
«Межу! — откликнулось пространство. —
Межу, какой не видишь ты
Меж словом и бесплодным эхом...»

— Гомер!
Дельфины на хвосты
Встают Маланке на потеху.
Прибой склонятся в мольбе
Там, где она сейчас стояла...
Как много слов, Гомер! Как мало!...

«Их эхо прилетит к тебе».

Пускай!
Все опасенья — прочь!
Желать иной судьбы
Нелепо.
Пещера.
Море.
Скалы.
Небо.
С Маланкой — день, молоньей — ночь.

Она любила ночь, Маланка!
И ночью —
так уж повелось —

Я снова вижу:
Тень русалки
Смывает лунный свет с волос,
И падают под ноги зори...
А тень — на ощупь, по стене —
Стряхнув с себя объятья моря,
Идет в объятия ко мне...

О, как по жилам токи катит,
Когда не помнишь слова *хватит,*
Когда совсем не помнишь слов...
Маланка!
Золотая рыба!
Любовь? — так вот она, любовь!
Погибель? — вот она, погибель!

...Кто мы такие? Что мы?
Где
Искать разгадку тайны этой?..

Бежит Маланка по воде,
Полночным сумраком одетой.

Я сплю.
Сморила ночь зверей.
И только женщина на волю
Бежит сквозь ночь,
Летит сквозь долю,
И зори сыплются с кудрей.

— ...А кто тебя, моя владычица,
Назвал Маланкой?..
— Я — язычница.
Я имя у огня взяла.

— Зачем?
— Чтобы спалить дотла
Все зло.
— Добро сгорает чаще...
— Не смейся! Знай, что я была
Огнем,
маланкой настоящей.
Я — дочь Перуна и Воды.
Я родилась, когда вражды
Не знали люди, птицы, звери...
Ты мне не веришь?
— Я-то верю...
— В других покамест нет нужды.
Ты — мой избранник...
Что ты знаешь
О нашей вере?
— Ты играешь
Со мной в языческую чушь?
Огонь! Переселенье душ...
— Да, так! И будущий мой муж...
— Я им сейчас готов назваться!
— Постой!
Успеешь наиграться!
Мы сквозь огонь войдем в родство:
В грозу должны мы обвенчаться,
Чтоб снять проклятие...
— С кого?
— Со всех, со всех...
— Ты мракобеска...
— Мой путь к тебе лежал во мгле...
Нас небеса с тобой избрали,
Чтоб мы вдвоем проклятье сняли
Со всех, со всех,
кто на земле

Живет и умирает мерзко.
— Кто ж проклял их?
— Перун. Отец мой.
— За что?
— Кто б это ведать мог!
— Так Саваоф, библейский Бог
Нас проклял тоже...
— Сказка детства.
Я помню... Да, вспылил Всевышний,
Изгнал, назначил день суда...
А тут:
ни знака! ни следа!
Неведомо откуда вышли,
Идем неведомо куда.
Там грех. Там плоть. Соблазна скребень...
Не соблазняйся до венца...
А тут:
проклятие — и темень.
И ни начала ни конца.
И так навеки...

Волны били
Оземь —
голгофу всех голгоф...

— Адам и Ева
Не любили!
За это проклял Саваоф
Их и детей их...
Грех — приманка.

И вновь мы всюду и нигде!..
И снова женщина — маланка? —
Бежит по трепетной воде.

— …И все ж:
В начале было слово,
Потом лишь —
свет, вода, земля…
— И сад потом, и в нем змея,
И ничего нигде не ново…
Придумал кто-то бестолково
Легенду эту… Может, свет
Создал поэт?.. Слепой поэт.

— Но почему слепой, Маланка?
— Я так, не слушай… Я — *паганка**,
Я дочь Перуна и Воды,
И я не верю в сказку эту!
Зачем — иль Богу, иль Поэту —
Пускать по миру дух вражды,
Измены, зависти, разлада?..
И что нам сказки с райским садом,
Коль смертный грех из века в век
Тащить нам до скончанья света?
— И есть ответ, и нет ответа…
Спросила б ты слепца-поэта,
Зачем был создан человек?

— Я знаю.
— Мне тебя бояться?..
— Ты кто?..
— Маланка…
Чтоб смеяться
И плакать кто-то мог, скорбя.
Чтоб жил познанья гений гордый,

* Язычница *(белорус.)*.

Он — сын,
А мать людского рода —
Любовь.
Творила нас природа,
Чтоб через нас
Познать себя.

— И всё ж…

Ладони!
Плечи!
Губы! —
Потом:
Земля, вода и свет…

— Что означает слово, любый,
Когда в нем содержанья нет?
Когда оно не дух, не плоть —
Так, оболочка для чего-то…
Вот слово:
сон.
Вот слово:
гость.
А кто он, гость?..

И тихо кто-то
Ответил:
— Я…

Костер потух.
Метнувшись вбок, погасли свечи.

— Я господин пещеры,
Дух,
Незваный гость на вашей встрече.
— Ты видишь нас?
— Зачем мне зрак?
Я — дух пещер. Всемирный мрак.
Я — темень, вечности статут...
И всё ж, как ты — зарю спросонья,
Я блеск молоний вижу:
Тут
В обличье женщины
Молонья.
Я допытаюсь у нее
Про то, о чем ты
Не дознался...

На голос — голос отозвался:
— Постой! Пока не достает
Лишь одного: он не поклялся.

Маланки голос!
В темень врос
Я слухом, зреньем, кожей, кровью:
— Кому я клятву не принес?
— Тому, что ты зовешь
Любовью.

— Дочь Перуно́ва! Видит Бог
У ног твоих — на клятве клятва.

— Вот два клубка:
Здесь — шелк,
Тут — дратва.
Ты выберешь один клубок.

Клубок из дратвы был, как лед,
Из шелка — как огонь горячий.

— Маланка!..
Что все это значит?!.
— Твоя судьба, твоя удача
В одном их них; шагни вперед
И брось клубок!.. Он — быть тому! —
Коль угадаешь, спáлит тьму.
— А если нет?
— Тогда за гробом
Клятвопреступника
Вина
Пойдет, как верная жена,
А вслед за нею
Месть и злоба.

И я швырнул во тьму их оба!..
И засветилась вдруг она.

— Молонья!..
— Тайна шаровая...
Плывет, сверкая, всем видна,
А кто она и что она —
Не угадать про то, не зная.
Так и любовь влечет, сверкая,
Пугая пропастью без дна,
А что она, зачем она —
Не угадать про то, не зная.
И только я, одна во всей
Вселенной, тайну эту знаю:
Она — маланка шаровая.
Клянись же мне.

Клянись же ей.
— Клянусь!..

И канули химеры,
Открылся мир — широк, глубок —
Вновь полный и любви, и веры...

— Постой! — промолвил Дух пещеры. —
Здесь есть еще один клубок.

— ...Вставай! Уже пропела ржанка.
— Я видел странный сон, Маланка:
Я разом бросил два клубка...
— И вылез из-под каблука?

— Не смейся, грозная владычица...
Теперь я верю:
ты — язычница,
Ты на земле живешь века,
И ты должна при блеске молний
Венчаться...
— Да! Я это помню,
Хоть лет мне — целый миллион...
— Ты шутишь...
Странный...
Страшный сон...

— И мне был сон! Да на Купалу,
Не нынче...
Будто я скакала
Через огонь, а тот огонь
Как будто не огонь, а конь.
Он с места — скок и, взвив, как бес,
Понес меня среди небес,

Меж молний и громов,
Сиянья
Созвездий,
Солнц,
Живых планет,
И там, где меркнет белый свет,
Он встал у края мирозданья,
Откуда — из небытия! —
Раздался глас, как из-под века:
«Кем хочет быть мое дитя?
Маланкой или человеком?»

«Кем быть хочу?..
А кто я есть?
Зачем я здесь? — пошли мне весть,
И где мой путь? — открой мне веду!..»

«Вот путь тебе, — промолвил рок. —
Вот след тебе,
Иди по следу,
Не соступай не шагу вбок...»
И пал
Под ноги мне
Клубок.

— Клубок?
— Клубок огня... Сжимало
Его, как болью... Распирало,
Как радостью... И страсть играла
Внутри,
Катя его,
Крутя,
И я — на глас Небытия —
За ним ступила — и пропала.

— Пропала? Как?
— А так: не стало
Меня нигде.
Ни в ком.
Ни в чем.
Я вылилась небытием
В Небытие… Но там, но в нем,
Я тоже не существовала.

— Не понимаю…
— Понимать
Нам не дано… Лишь умирать
Дано нам…
— Нет! Ты мне ответь:
Что там, в Небытии?..
— Там смерть.

— Смерть молний?..
— Да, и смерть людей,
Когда в них свет их иссякает.
— На что ж надеяться?..
— Из всей
Горы надежд —
                    одна…
— Какая?
— Любовь! Маланка шаровая!
Любовь:
            от вечного ярма,
От страха перед преисподней
Спасенье!
Нет ее свободней,
Она — наш путь и след сегодня,

Она — бессмертье,
И сама
Взяла я молнии названье
Там, у пределов мирозданья,
У края, за которым —
Тьма.
И нас за это обручить
Обязан рок! И под изломы
Слепящих молний, грохот грома
Мы поклянемся так любить
Друг друга, как мы любим Бога, —
И нам откроется дорога
В чертоги вечные его…
Отца мы кликнем моего:
Пусть небо
Грозно содрогнется,
Сместится твердь — и из могил
Восстанут все, кого спалил
Перун огнем, а тайну их,
Любовь, что молнией зовется,
У мертвых
Спрятал
От живых.

Так — за мильонами мильон —
Восстанут дети всех племен,
Что с незапамятных времен
Во мраке ждали знак условный.
Перун погасит скрип зубовный
И для людей откроет он
Маланок тайну —
Дар любовный.

…Ты мне открыла этот дар,
Маланка! Перунова кара!
Я умираю с этим даром —
От этих мук, от этих чар.

Ты мне открыла этот дар —
Высокий,
                праздничный,
                                        прекрасный!..

Я в небо шар закинул красный,
Но черным возвратился шар.

…Природа — игры молний. Блиц-
Турнир огней.
И прах.
Останки.

Природу можем — до крупиц —
Подделать мы…
Любовь…
Маланки…

С поддельным —
                            несравнимо чаще —
Нам проще жить, чем с настоящим:
Оно
Из крови и костей!
А мы небесных
Ждем гостей.

Не заключай с подделкой сделку!..
За ночью ночь и день за днем,

Подделываешь ты
Подделку,
Подделанную Перуном
И брошенную в коноплю
Дурманную —
в минуту гнева…

Вот молния сверкнула слева.
Как раз, где сердце… так люблю!

…Как мы любили!
Божий дар —
Маланок нестерпимый жар…

Летели дни… Наш календарь
Тончал…
На солнце золотела
Вода, и воздух золотел.
А неизбежное в прицел —
Да нет,
в упор уже смотрело.

…Она любила ночь, Маланка!
И с той поры —
так повелось —
Я часто вижу,
Как русалка
Роняет лунный свет с волос,
Из них выпутывая месяц…

Был день девятый.
Август месяц.

В девятый день я — жизнь назад —
На свет родился…
С той угоды
Мы обобрали райский сад
И вычерпали водопад,
Сказать точнее: винопад,
Струились в нем тогда не воды,
Струилось сладкое вино!..
Бурлит ли нынче там оно —
Не знаю. Не бывал давно.

На званый ужин пригласили
Мы вольных рыб и птиц, зверей,
Чтоб всем, кому еще по силе,
С друзьями выпить за друзей…

И выпили они
И дров
Нам наломали —
Будь здоров!

И каждый признавался в тосте
В любви…
Потом как на погосте —
Вина в том не было вины —
К полночи стало вдруг,
И гости —
Таким и правда нет цены —
Немедля стали разбегаться
Да разлетаться, расплываться…
И вот остались мы одни.

В пещере нашей на стене
Рисунок был: Адам и Ева,
Игривый змей, познанья древо…

— Любили все же или нет
Они друг друга в миг запева? —
Маланка встала. — Мы должны
Пройти весь этот путь с начала…

И яблоко вдруг — со стены! —
Как с яблони живой,
Сорва́ла.
И надкусила. Брызнул сок.
И змей скользнул как наважденье!..
— Маланка?
— Что, мой голубок?
Вот мой подарок в день рожденья,
Лови!..

И бросила
Клубок.

«Тот самый! Снится иль не снится?
Горячий! Сон или не сон?»

— Мой скромный дар тебе —
Зарница!
— Чего ж не светится?
— Светиться
Не может проклятый…
Мильон
Во мраке лет еще продлится,
Пока Перун в душе смирится,
Пока проклятье снимет он.

— Еще мильон?..
— Ловить нелепо
Меня на слове...
В тот же час,
Когда мы встанем перед небом
И небо обвенчает нас —
Она засветится...
— Как слепо
Ты веришь в эту ерунду!..
— Вчера я лист нашла в саду,
Опавший первый лист...
Года,
Века мелькают, как мгновенья,
А вечность — этот лист осенний,
Который больше никогда... да,
Вечность — этот лист опалый...
На нем тебе я написала
Про нас,
Про все, что не сказала...
Да не читай!
Потом, потом...

И нам дыханья не хватало,
И били молнии и гром!

...О жар любви неутолимый,
О смысл речей неуловимый,
Сокрытый в безднах
ты и я:

«О, мой единственный... Родимый...»
«Родимая...»
«Ты мой, любимый?..»
«Я твой, любимая моя».

«Когда пройдут, не глядя, мимо
Твои друзья,
Родня,
Семья, —
Кому поверишь, мой любимый?..»
«Тебе, любимая моя».

— Когда смертельной пулей скошен,
Качнешься ты на склоне дня,
Кого ты вспомнишь, мой хороший?..
— Тебя, любимая моя,
Пускай земля засыплет веки —
Из тьмы кромешной встану я
На оклик твой...
— Твоя навеки
И жизнь моя. И смерть моя.

— И смерть?
— На слове ловишь вновь?..
Ты посмотри: страданья, кровь,
А на скрижалях новой эры
Всё та же позолота слов
Любви, надежды, вечной веры.
Свой тяжкий крест который век,
На этом же кресте распятый
К своей голгофе человек
Несет...
— Так в чем он виноватый?
За что:
Сонм сирых?
Сонм калек?
— Проклятый
род людской...

— Проклятый?..
Так почему тогда земное
С его надеждой подставною
Дороже вечности самой?..
— Да потому что ты со мною,
Желанный мой. Любимый мой...

И снова
Руки,
Губы,
Плечи —
И в пропасть тайны бесконечной
Земли, что свой клубок извечный
Мотает за витком виток,
Несет меня незримый рок
Сквозь мрак
на голос поперечный:
— Тут есть еще один клубок.

И дух пещерный,
Зверь затворный
Швырнул клубок из дратвы черной:
— Возьми! Он твой! В нем сплетены
Все нити мщенья и вины,
И расплетешь ты их не скоро...
— Сам расплетай!
— Нет,
голубок,
Тебе принадлежит клубок
Обмана, хитрости, позора.
Пришел из тьмы ты —
Канешь в ней!

И встал
                на хвост клубок —
как змей.

Есть
Танец
Змей…
              И этот танец
Струится,
Длится сквозь века…
— Ты бросил сразу два клубка, —
Змея шипела… — Ты *паганец*…
За это платят головою.
Ты станешь мраком.
Мрак — тобою.
Забудь Маланку. Только я
Твоя любовь, твоя вакханка,
Мой поцелуй
Лишь искра,
Ранка —
                и всё…

Спружинила змея —
Ударила в нее маланка!

И видел мой померкший зрак:
Они в один клубок скрутили
И жизнь, и смерть,
И свет, и мрак,
Сцепили всё — и отравили,
Смешали с тьмою,
Замутили
Добра исток
И зла исток…

— Клубок, — хихикал дух. — Клубок.

...Я подхватился:
«Быть беде...»
Пещеру светом заливало,
Бил гром,
На суше и воде
Гудело, охало, стенало!..

Маланки не было нигде.

— Маланка! — крикнул я. — Маланка!..

Но умер крик. В ответ — ни звука.
Лишь дернуло, как током, руку,
Огнем скрутило пальцы...
«Ранка!»

Я высосал отраву сна,
Окрайком ночи губы вытер...

«Верните мне ее! Верните!
Она одна во мне! Одна!»

И с этим криком
со скалы
Я в море ринулся...
Валы
За мной сошлись в раскатах гула,
И голос мой в бездонье мглы
Сглотнуло море, как акула.

«Одна она во мне! Одна!..»

Ни следа не было, ни знака!..
Я докарабкался до дна,
До преисподней Ай-Кайлака —
И еле выплыл...
Я не плакал
И не кричал...
На злой песок
Зубами вынес, как собака,
Ее крученый поясок.

...Уже от смерти в стороне
Вдруг вспомнил: «Лист!..»
Пока носило
Меня в глубинах,
Море смыло
Письмо до слов:
«...их искусило
Вранье, отрава — во вранье,
Как мрак в клубке или огне,
И чтобы гром порой венчанья
Нас не сразил, будь равным мне
В любви,
В судеб предначертанье
Будь равным мне...»
И оборва́ла
Она письмо. И лист опалый
Сказал не много и не мало
Про то, что стало,
окромя
Того, что волны целовали
Ее следы... Потом забрали
И в небесах заколыхали
Ее языческое «я».

…Еще был случай, говорили:
Адам и Ева полюбили
Друг друга. Знали все окрест
Про их любовь… Когда ж юнец, —
От клятвы губы не остыли —
Пошел с другою под венец,
Ударила
маланка в крест!
А в чистом небе — ни помарки…

На этом завершаю я
Рассказ, записанный маланкой,
На свитках мрака и огня.

Пер. с белорус.
Вадима Кузнецова и Евы Эн

РУССКИЙ ПОЕЗД

1

Между западом, между востоком,
Где дороги длинны и странны,
Я однажды попал ненароком
В самый медленный поезд страны.
По туннелям, мостам, перепутьям
Мед-лен-но — за вагоном вагон —
Как в термометре — столбиком ртути —
Даже мед-лен-ней — стоя, по сути,
И не двигаясь — двигался он.
Млело блеклое, тусклое лето,
Время ртутью по жилам текло,
Но была чистота в туалетах,
И сверкало в вагонах стекло!
Что за чудо?!. Куда и откуда
Этот поезд?.. Откуда — куда?..
Так, блистая, сверкая, как чудо,
Катят литерные поезда!
Но не литерный, даже не скорый,
Без ЦК, без ЧК-КГБ
Он катил — и не шастали воры,
И не пили в соседних купе!
И ни мата — ни мухи, ни бляхи!
Только шум как в саду под дождем...
И блатные не рвали рубахи
На груди с посиневшим вождем!
И, протезно скрипя, не просили
Инвалиды — на водку за кровь!..
Только как же без крови — Россия?..
Только как же без водки — любовь?..
Я пытался понять: в чем же дело?..
Что стряслось с легендарной страной?!

С той, где время летело, свистело
Стороной, стороной, стороной!
С той, что больше любого сортира,
С той, что в золоте вся и в говне,
Расползлась, подминая полмира,
Оставляя нас всех в стороне!
С той, что перла, не глядя на компас,
Вглубь и ввысь!.. Но, в салютах горя,
Стороной — ее запуски в космос,
Стороной — погруженья в моря!
Почему?.. Мы ее не любили?..
Мы любили ее, видит Бог!
Пушкин... Гоголь и Лермонтов... Или
Достоевский... Есенин и Блок...
Может, дело все в том, в самом деле,
Что любили?.. Что больше, чем жизнь?..
Или в том, что любить не умели?
На изломе всегда?.. На пределе?..
С диким криком: «А ну, сторонись!..» —
Через мраки ее и метели
Слишком резвые тройки летели?
Не приметили край, сорвались...
Черт ли гнал тебя, Русь?.. Бог ли гнался
За тобой, выбиваясь из сил?..

Проводник тихо в дверь постучался:
— Чаю будете кушать? — спросил.
Я серебряный взял подстаканник,
Дал на чай пятачок... Проводник
Благодарствовал: — Странный вы странник...
Разговор сам собою возник

Все о том же и тот же... В тумане
Проплывал окоем за окном...
Ложка звякала в тонком стакане
Все о том же, о том же, о том...

2

«Как же жить?!.» В жилах ртуть тяжелела...
Проводник (говорливый народ!)
Толковал:
— Русь не знала предела,
Ни чужих, ни своих не жалела,
Пожалеет — спасется, спасет.
— Вы о чем? — я спросил, понимая...
— Русь — обычная баба земная,
А все тужится Бога родить!
Своего — и для всех, б... такая!
— Вы не слишком?..
— Извольте простить.
Это русское, сударь.
— Валяйте...
— Русь идет по земле, как по вате,
Под собою не чуя земли...
— Это сказано...
— Все, что могли
Мы сказали... А проку?.. А толку?..
Только то, что сказали?.. И только?..
А евреи поют: «Чтобы жить,
Надо шить...» И чтоб шить, так уж шить,
Мы вдевали не нитку в иголку,
А колючую проволоку!..
Коль у каждого — по кулаку,
Молотили людей на току,
Пере-
малывали на муку!..

Стороной, стороной, стороною
Я свое на себе волоку:
Этот поезд, придуманный мною,
С тишиною, с нормальной страною,
Где местечко нашлось сябруку.*
Где, чтоб жить, надо шить, а не грабить,
И не пьянствовать, не воровать!..
Русь полезно маленько ослабить,
Укротить эту чертову бабу,
Обкорнать ее, мать-перемать!
Во все стороны света ярилась,
Издыхая, жила наперед,
Разгулялась зело, разрезвилась!..
Пусть помедлит чуток, переждет.
Вон она за окном! Голь да лихо!
Пар… Свистки… В котелках кипяток…
Как ни гляну — так в горле комок…
— Почему же мы едем так тихо,
Этак медленно катим, браток?
У Руси неотмеренный срок?..
Машинист в твоем поезде запил?..
— Потому что мы едем на запад
По пути, что ведет на восток!
— Смурь да блажь всё… Все русская заумь…
Суть не в этом… Не в этом исток.

Проводник, взгляд взведя, как курок,
И ощерившись волком на запах,
Гнул свое:
— Русский путь на Восток
Не пройти, озираясь на Запад!
Кто нас ждет там?.. Не слышит, не зрит

* Сябрук, сябар — друг *(белорус)*.

Запад Русь, ибо Русь состоит
Из случайных сплетений, наитий,
Как узор из невидимых нитей,
Вся в себе — и река, и родник…

Я взмолил:
— Ну так нас отпустите!
— Х.. отпустим! — сказал проводник.
— Почему?..
— Что, бульбяш*, за вопросы!
Есть большие и белые россы —
И п..дец!..

Он достал папиросы,
Потому что
пошел
разговор,
Закурил, дым пустил в коридор —
И в купе заглянули матросы:
— Морду бить?.. Водку пить?..
— Что за спор?..
— Брысь! — сказал проводник
и в упор
На меня посмотрел:
— Ты давай
Не барми, бульбяшок, не базлай!
Чем фигово тебе в русском стане?

Тот же дух…
Та же кровь…
Та же речь…
И серебряный есть подстаканник —

* Прозвище белорусов (от белорус. бульба — картошка).

Пить культурно и пальцы не жечь.
Все путево. Так что за вопросы?..

И в глазах его узко-раскосых
Взгляд отца уловил я, узнал...
Взгляд, что дикою степью дышал,
Жутью полнился, тьмой полыхал,
Если вдруг
поперек! Не по нраву!..

Я встревал:
— Есть у каждого право...
— Бля, мы кормим всю вашу ораву! —
Проводник разговор продолжал. —
А хоть крошку вам дали поляки?
Немцы дали хоть крошку?.. Х.. в рот!
Так что право имеет не всякий...
Вечный путь есть. Небесные знаки.
Нет
истории наоборот.
Вы же, бля, партизанский народ!..
И, когда Русь на Запад напрет,
С кем вы будете?.. С немцами?.. Враки!..
Хоть поляки и лижут им сраки,
Все равно будут с нами поляки!..
Мир славянский готовится к драке!
Только тихо... Как поезд идет...
Чё молчишь?..

Что сказать на такое?..
Если непостижимо уму,
Что он хочет?.. Что надо ему?
И твердил я себе самому,

Что своей — вроде русской — душою,
Белорусской пройдя стороною,
Я его нипочем не пойму.
— Врешь! Поймешь! — он прочел мои думы
И на стол, словно фокусник, дунул —
Штоф хрустальный, как дух, воссиял...
Я спросил, хоть теперь уже знал:
— Для чего ты свой поезд придумал?
— Для мечты! — проводник отвечал. —
Когда время сквозное, пустое,
Что-то ж надо нам делать с мечтою,
В чем-то нужно ее воплотить!..
«Будем пить», — я подумал с тоскою,
И кивнул проводник: «Будем пить».
— Наливай! — докурил он. — А ну,
Выпьем за мировую войну,
Чтоб потом уж — ни ада, ни рая!..

И влилась она в нас, нутряная,
Озаряя, сознанье взрывая —
Так похожа
На эту страну!

Нет нелепости пьянки нелепей,
Но — бескрайние волжские степи,
Но — простор от Москвы до Курил...
Что еще там?..
Не помню.
Забыл...
Бесполезно налаживать поиск...
Русский поезд!.. С пути соступи!..

— Слышь, бульбяш, ты купи этот поезд!
Сколь-нибудь заплати и купи.

Так возьми! Он нам на хрен не нужен!..
Вон, смотри, как отмыт, отутюжен,
Но не нужен!.. Он нам по х..м!
Разорим! Так берешь?..
— Да иди ты!..
— Ну, тогда и не нам, и не вам!
У чеченцев куплю динамита!..
Нет, х..ня… Лучше сам им продам…
Черножопы кругом!.. Иудеи!..
Мир погибнет без русской идеи!
Где мессия?!. С Урала грядет!
Мы покажем им, ё….й в рот!
Наливай!.. Русь нигде не нужна!
Русь — ракета «СС»! «Сатана»!
Неизбывное зло мировое!..

3

Дверь открылась — и стало нас трое:
К нам вошла Мировая Война…
………………………………………

4

Утром, в тамбуре, в ветер по пояс
Наклоняясь, я долго курил…
Что за мир — этот медленный поезд,
Эта даль от Москвы до Курил?..
Колесил я по ней, напрягаясь
И до выси достать, и до дна!..
Но в меня, как вливалась, вливаясь,
Точно так выливалась она…
Не постичь?.. Ни простить, ни обидеть?..
Может быть, может быть, может быть…
Я пытался ее ненавидеть,

Но не вышло…
Пытаюсь любить.
А за что?..
Все сквозное, пустое…
Нет истории наоборот,
И поэтому, что ни построит,
Все разрушит она и сметет!
Ну а люди?.. А люди?.. А люди?..
Но — направо-налево рубя —
Никого она в мире не любит,
Потому что не любит себя.
Ну а рыбы?.. А птицы?.. А звери?..
Но — кровинкой дрожа на губе —
Никому она в мире не верит,
Потому что не верит себе.
И поэтому
Суки и воры
Богоизбранный этот народ,
И поэтому пьет под забором,
До безумия пляшет и пьет!..
И поэтому
Бунты и битвы,
И поэтому —
Жид виноват!..
И поэтому выше молитвы
Русский, яростный мат-перемат!..

Вон добра — хоть тащи кузовами!..
А судьба — все тюрьма да сума.
Хоть ума, словно грязи в Казани, —
Не проехать! — в России ума…
Как же Русь не понять?.. Не измерить?..
Не понять, если воду мутить…

Если все, что не русское, херить,
Да и русское — под руку! — крыть!
Если с миром всем
Мериться силой
Ну представьте: за каждым бугром
И за речкой — земля вся — Россия!..
Это ж тронуться можно умом.
И не станет ума, и не хватит,
Чтоб измерить, понять... Чтоб сравнить...

Этот медленный поезд все катит...
Я никак не могу докурить...
И никак не могу отрешиться
От того, что в груди, что в крови:
Эти русские звери и птицы —
Это звери и птицы мои.
И мои — эти русские люди,
И моя — эта даль, пустота...
И я знаю: пусть будет что будет —
До конца все мое... До креста.
Но той кровью, что смешана с этой,
Беларускай сваёю крывёй,
Кровью матери, кровью поэта
Я з Радзімаю, з крэўскай зямлёй.
Хоть родное
И то и другое,
Но во мне — в чужестранце, изгое,
В глубине, там, где сердце нагое,
Дорога,
Дорога,
Дорога —
Бьется ласточкой береговою
Беларусь о свои берега...
Я умру, но не дам ей разбиться!..

Там умру, где случилось родиться,
Где я понял, слова вороша,
Что душа моя — *птушка*, не птица,
Хоть и та и другая — душа.
И одни у нас
Счастье и лихо —
Пожалеем же всех наперед!..
Русский поезд — пусть медленно, тихо —
Может быть, до России дойдет.

Пер. с белорус. автора

«С НЕБЕС НЕ СПУСКАЙСЯ!..»

Некляев — всегда праздник.

Это в первую очередь означает, что все естество Владимира Некляева интенционально устремлено именно к празднику. Более того, праздник — это его способ пребывания в бытии, за ситуацией праздника он, похоже, теряет себя и находится в этой потерянности до того момента, пока... не обнаруживает в себе идею нового праздника. Далее следует сделать одно существенное уточнение: в «контексте» Некляева под «праздником» не следует понимать только гулянье — от всенародного торжества до дружеского застолья; здесь праздник — это все, что разрывает «глупую бесконечность» обыденности напряженным мгновением чувства, поступка, все, что «смазывает краску будней»... Впрочем, и всенародное гулянье, и дружеское застолье — конечно, тоже... Иначе его песня «Гулять так гулять» не переросла бы в своей судьбе значение обычной популярности, чтобы превратиться в феномен фольклорного масштаба.

Также — и стихи... Поэзия — это всегда праздник, даже самая трагическая, самая безысходная... Иной она просто не может быть — по своей природе. Владимир Некляев иным тоже быть не может — по той же самой причине.

Впрочем, вовсе не исключаю, что мое понимание Некляева имеет мало общего (или вовсе этого общего не имеет) с «объективным» Владимиром Некляевым, с тем, как он представляет себя сам и как его представляют себе другие. Впрочем, другие могут представлять его, как хотят, мне куда интересней, как он представляет себя сам...

Так вот как же?..

— Поскольку пережитое Вами невозможно изложить даже в романе, не говоря уж о коротком разговоре, поэтому для начала я предлагаю следующую «методу»: вспомните несколько эпизодов, мыслей, эмоций, которые наиболее ощутимо повли-

яли на формирование вашей, скажем так, экзистенциальной биографии.

— Мне было около двух лет, когда мой дядька Петр Иванович уронил меня на каменный порог дедовой избы. Так что я в прямом смысле «головой стукнутый», что внешне, может, и не очень заметно. С этого момента я начинаю себя помнить.

Не определю точно когда, но однажды возник во мне к самому себе любопытный вопрос: а где ты был раньше? Где ты был два темных года до того дня, как «стукнулся»?

А я ведь был. Осваивал мир, координировался в нем, обретал речь, то есть свершал великий и, может быть, воистину гениальный труд, выше которого свершить не дано. И где все это? Осталось в порожном камне дедовой избы?

Если Вас устроит, то этот момент и можем считать началом того, что Вы называете экзистенциальной биографией.

При определенных допусках почти все мои стихи или лучшие из них — фантазии на тему тех темных лет. Из них я вывел для себя природу снов (видения того времени), природу творчества (тех лет крохи и осколки, которые вытаскиваешь на свет божий, всеми силами сдвигая порожный камень). Поэзия, если настойчиво не претендовать на должность мудреца, на роль мессии, — детское занятие. И немножко стукнутое.

Детский вывод, к которому я пришел, отвечая на вопрос: «А где же ты был раньше?», заключался в следующем:

если я себя не помню, если меня для меня как будто не было, но мне и всем известно, что я был, существовал, значит, точно так же я был, существовал и до своего физического рождения. То есть в прошлом, сказал я себе, небытия нет.

Но этого было мало. Оставалось будущее…

Дед мой Иван Маркович, святой, по моему разумению, человек, раскрыл передо мной, четырехлетним, Библию и сказал: «Читай». Исходил он из прагматических соображений: ослабевал глазами — и ему нужны были новые глаза для чтения Свя-

щенного Писания. Тем не менее, именно по Библии у вечерней постели деда я и научился читать.

Потом, через годы, дед приготовился умирать и, совсем уж собравшись, позвал меня.

Мы помылись с ним в баньке, он оделся в белое исподнее, поставил чекушку, мы выпили по капле, и Иван Маркович сказал: «Внучек, сегодня ночью мне пора...».

Он умер, оставив мне Библию, а еще доказательство того, что и в будущем небытия нет. Я растерзал ему душу, я умолил его об этом той ночью. Уже после того, как он умер. Я знаю, что тем самым он взял на себя большой грех, взял его на себя из-за любви ко мне, и почему-то знаю, что Всевышний простил ему это.

Я не утверждаю, что мне ведомо происходящее за той чертой. Мне ведомо только то, что черты нет.

Определившись с прошлым и будущим, оставалось определиться с настоящим. Но это уже, вроде, не экзистенциальная биография.

— Поэт и власть. Проблема драматическая (если не трагическая) — для всех и во все времена. Хотя возможных вариантов отношений поэта к власти не так уж и много: открытая оппозиция, искреннее (или прагматическое) содружество, скрытая оппозиция под маской содружества, скрытое содружество под маской оппозиции... Тема «поэт Некляев и власть» мне представляется настолько богатой, сложной и однозначно не формулируемой, что можно только позавидовать исследователю, которого она заинтересует (или пожалеть его)... В радикально упрощенном виде мне Ваши взаимоотношения с властью видятся следующим образом: даже в те годы, когда Некляев выступал с приветственными стихами и речами на идеологических форумах, а значит, был в теснейшем сотрудничестве с властью, проступало через его «идеологическое» рифмование нечто, что даже как бы обязывало относить Некляева если не к «скрытым оппозиционерам», то к тем, кто имеет

свою позицию и не переступает некоей невидимой грани, за которой начинается угодничество, приспособленчество и тому подобные не совсем симпатичные (или вовсе не симпатичные) проявления человеческого естества... Впрочем, это само-стояние (в гражданском и эстетическом смыслах) мне вообще представляется одной из Ваших наиболее характерных черт. Для меня Владимир Некляев всегда «свой среди чужих и чужой среди своих». Что Вы думаете о проблеме взаимоотношений поэта и власти вообще и, в частности, о проблеме взаимоотношений с властью поэта Владимира Некляева?

— Вы от Бога сразу к его наместникам... Здесь мне трудно быть искренним. Хотя бы потому, что сама по себе власть искренности никак не допускает. А коль чего-то не предполагается с одной стороны, почему это должно предполагаться с другой? И все же я попытаюсь быть искренним настолько, насколько возможно.

Предположим, что мной и вами правит царь, или король, или князь. А Вы, Валентин Васильевич, вовсе не философ, а революционер крайних убеждений, исповедуете терроризм и предлагаете мне метнуть в правителя бомбу. Причем, с гарантией самосохранения и будущей славы тираноубийцы. Думаю, я бы этого никогда не сделал. И не по каким-то теоретическим соображениям о вреде, бессмысленности террора. Я бы не сделал этого, исповедуя законопослушание, исходя из конституции всех христиан, сформулированной в десяти библейских заповедях, обеспечивающих миропорядок. Это небесная Конституция. А все конституции земные, придуманные нами, — от лукавого, искушающего гордыней, на которой всегда камуфляж самоотреченности, неких высоких, высших идей переустройства мира, абстракций нового миропорядка. Но какой реальностью оборачивались и оборачиваются эти абстракции? Назовите мне хоть одного героя, вошедшего во власть и оставшегося самоотреченным? Кто это? Тамерлан? Македонский? Батый? Наполеон? Или

Гитлер? Или Ленин — Сталин?.. Кому из них можно поставить в заслугу справедливое обустройство бытия?

Задолго до них Ликург, спартанский законодатель, объявил всех равными и себя равным среди равных, забыв о такой человеческой малости, как рабы, которых было куда больше, чем свободных граждан. Спартанские историки утверждают, будто бы, осознав тщетность своих миропорядческих усилий, он оставил власть и ушел в пустыню умирать от голода и жажды, в чем я сильно сомневаюсь.

Понимаю, что я Вам нужен в поле зрения власти не там, далеко, где Ликург, а там, где Брежнев и ближе, но давайте расценим этот исторический экскурс как путь, которым я шел к взаимоотношениям с властью. Во взаимоотношения эти ведь не впрыгнешь с бухты-барахты, лет до двадцати пяти даже не предполагая, что они когда-либо и как-нибудь обозначатся.

Вместе с Вами я рос в стране, где все было правильным, народным, в том числе и власть, лишь о народе и пекущаяся. Это сейчас я способен понимать, что никто и никогда на самом деле о народе не думал, не думает и думать не собирается, что так называемый народ, в том числе и я в нем, был и остается лишь средством для достижения конкретными людьми конкретных целей, прежде всего целей властных. В детстве же и в юности подобные мысли меня и не могли посетить, и не посещали. Могу вспомнить разве что случайные ощущения, вызванные соприкосновением со всепроникающей властью, ее магическими знаками и символами.

Мои родители боялись власти физиологически. Это был страх перед разорением семьи, ее уничтожением. У отца было несколько грозящих уничтожением ситуаций, в одной из них, на бюро Молодечненского обкома партии, он мысленно распрощался с семьей. Выжить помог случай. Позже, уже взрослому, он признавался мне: «Я на войне так ни разу не боялся». Он приказал себе тогда: «Оглядывайся! Больше случай не поможет».

И отец, и мать, для которой мир вне семьи и вне Бога был призрачным, чуждым, пугающим, никак не подвигали меня

к революционным устремлениям, крамольным мыслям о власти. Отец-то, поволжский степняк, был по натуре забияка, он просто подламывал натуру, исходя из непреложных обстоятельств. Раздражение же от своего двойственного бытия, злость, зачастую злость яростную, он срывал на матери — на ком еще? Мать до бешенства доводила его своей тихой покорностью, смирением. Однажды, после какого-то партийного собрания, напившись от бессилия перед ломающей его силой, он бросился на мать с кулаками. Мне лет девять, я хватаю топор, замахиваюсь и кричу, почти теряя сознание: «Зарублю, если тронешь!..» Отец опешил от неожиданности, я помню его глаза — и в них непонимание, оторопелость и растерянность перед тем, что никак не могло случиться и произойти, но произошло и случилось. «Ты... на отца... с топором...» — начал он, оглядываясь, будто выискивая что-то у себя за спиной, но тут же как-то безвольно, обреченно уронил руки, повернулся и, не закрыв дверь, ушел. А мать сказала: «Вова, пабажыся, што ніколі і ні на каго не замахнешся сякерай. Богу болей відаць, як нам жыць і паміраць».

Происходило, смещалось что-то во мне и помимо родительской воли.

Весна 1949 года, мне около трех лет, отец везет меня на повозке из Сморгони в Крево, мы проезжаем через Богушевский лес, вдруг из лесной тишины щелчок, хлопок, от повозки летит щепа, я у отца в охапке под левой рукой, правой он стреляет из пистолета, выбрасывается из повозки, ползет, укрывая меня, к обочине, опять стреляет через дорогу в пустоту леса...

Поздно вечером он пьет дедовский самогон и кричит: «А если бы во внука твоего попали, а?! Ну, я вам устрою! Я вас научу советскую власть любить!»

У отца после войны власть не спросила, хочет ли он домой, на Волгу, которой он бредил до самой смерти. Как коммуниста и бывшего председателя колхоза его направили из армии в Западную Беларусь проводить коллективизацию. Направление оказалось бессрочным...

Там, в Крево, он и отпет в церкви и лежит на высоком кладбище рядом с матерью, вместе с теми, кого он коллективизировал. «Богу болей відаць, як нам жыць і паміраць».

А в сознании моем так и отложилось: власть — это то, из-за чего стреляют.

И еще один, последний пустяк из детства, который запомнился мне, как удар о порожный камень.

Весна 1953 года, возвращается из Сморгони — пешком туда и назад почти сорок километров — бабушка Олимпиада Васильевна, подает мне кулек: «На, ты ці еў калі цукеркі...».

Аромата этих конфет, карамели, начиненной вареньем и обсыпанной порошком какао, вкуса этих «подушечек» я никогда не забуду. Зажмурив глаза, надкусываю первую в своей жизни конфету — куда до нее кокосовым «баунти» с их «райским наслаждением», — и в этот миг невозможной вкусноты бабушка говорит деду: «Ясь, ты чуў, Сталін памёр...».

Так и осталась смерть вождя конфетой во рту. Потом множество вождей один за другим умирали, но так сладко больше не было.

— Тема «Владимир Некляев и белорусская поэзия» на первый взгляд может показаться достаточно странной (русская — иное дело). Но все же применительно к Вам подобный вопрос не представляется мне безосновательным. Более того, он мне видится совершенно необходимым, хотя я не совсем уверен, что смогу его формулировать так, чтобы Вы поняли, в чем (пусть и туманно, зыбко) мне видится проблема. Если обозначить ее схематично, приблизительно, опираясь скорее не на вербальную, а на суггестивную сущность поэзии Владимира Некляева, то озвучить эту проблему можно было бы примерно следующим образом: «Владимир Некляев не совсем белорусский поэт, хотя пишет на белорусском (родном ему) языке». Здесь, пожалуй, следует попытаться уточнить выражение «не совсем белорусский», поскольку под этими словами я имею в виду не формальное расхождение с условной белорусской поэтической

традицией, а нечто иное, что я не берусь даже обозначить прямым словом, а только косвенно. Порой мне кажется, что контекст белорусской поэзии не принимает поэзию Владимира Некляева, он как бы вытесняет ее из себя, выталкивает. Или, что, может быть, и более верно — наоборот, сама ваша поэзия не совсем вписывается в этот контекст, как не в свой размер, она как бы ищет иного пространства. («Не з тымі пайшоў і дарогай не той».) Может быть, причина в том, что Вы как поэт были сформированы огромным пространством былого союзного поэтического государства и Ваша поэтика, вольно или невольно сориентированная на поэтическую «галактику» от Бреста до Курил, не находит себе места в одном локальном измерении? Или здесь что-то иное? А может, такой проблемы вообще нет, и это не Ваша проблема, а моя? Но тревожат слова из поэмы «Индия», одной из самых сложных Ваших поэм: «К чужим святым пришел ты со своими». Где Ваши святые?

— Как смутно, на ощупь вышли Вы на тропу этого вопроса, так смутно видится мне тропа ответа.

Никакой проблемы нет, личной моей проблемы. Все святые мои в Крево, в Сморгони — где ж им еще быть? Язык материнского молока, язык снов и бабушкиных сказок — белорусский. Мое метафизическое сознание сформировано здесь, без подгонок вкладывается в матрицу местного быта. Может быть, Крево, где шесть столетий назад была подписана первая европейская уния — не Беларусь?

И все же проблема как будто есть. Не моя проблема, а связанная со мной.

Пожалуй, Вы точны в ощущении вытеснения, выталкивания собственного моего текста из того, что Вы называете контекстом белорусской литературы. Но не контекст же производит это действо, не с чертовщиной ведь мы имеем дело. Все гораздо проще: я изначально оказался словно пришлым, лишним, со стороны явившимся в родную литературу. Не в литературу даже, а в ли-

тературный театр, где не предполагалось моего участия, потому что пьеса была уже написана, роли распределены и начинались генеральные репетиции.

Первая моя книга «Открытие» («Адкрыццё»), названная так, кстати, не мной, а редактором, ждала своей очереди почти шесть лет. Ей-богу, у меня и мысли нет и не было, будто достоинствами своими она требовала немедленного выхода, но, согласитесь, одно дело — первая книга в двадцать четыре года, и совсем другое — в тридцать лет. Я уж рукопись пришел забирать, но встретился Рыгор Бородулин, который заволок меня в ресторан и сказал: «Напіся, а там пабачым, забіраць ці разбірацца». Благодаря ему и подключившемуся потом Пимену Панченко и было преодолено это первоначальное «выталкивание из контекста».

Малость я тогда даже приобиделся, в Москву уехал. Ведь сдав в издательство «Мастацкая літаратура» книгу «Адкрыццё» (а мною книга была назнава «Сад на скрыжаванні», и название это достаточно точно определяло тогдашнее мое состояние), я забрал из издательства «Молодая гвардия» одобренную рукопись книги стихов на русском языке. На меня там как на конченного придурка смотрели, да и не могли по тем временам иначе смотреть. Главной причиной, по которой я забрал русскую рукопись, было, конечно, то, что книга белорусская была для меня важнее, но имелись и другие причины, сопутствующие. Одна из них может показаться опять же придурочной, однако имела она существенное значение. Задумчивое значение, я бы сказал.

В журнале «Юность» готовилась публикация стихов из книги, я прочитал их Семену Кирсанову, и он — часть легенды тех времен, где Блок, Есенин, Маяковский — вдруг говорит: «Стихи неплохие, но написаны не по-русски». Как не по-русски?! Я ведь каждым словом со словарем сверялся! И Кирсанов мне как дважды два доказал, что словарь — это словарь, а язык — это язык, что словарь — вне мышления, а язык — в мышлении, а оно у меня какое угодно, и он не знает какое, но только не русское.

На том, выпив коньяку, и порешили. Странновато только, что убедил меня в том, что я ни бельмеса по-русски, далеко не русский человек. Может, происки еврейские, а?

Между прочим, о происках.

Стоило мне обнародовать в поэме «Справка о рождении» то, что записано в метрике, что я «крэўны сын Някляева Пракопа, Стасі Магер роднае дзіця», как сразу же, зацепившись за девичью фамилию матери, нашли искомое: «Ну-у, тогда понятно». А что понятно? Если бы даже моя мать была еврейкой, так что понятно?.. Поскольку ровным счетом ничего, то на всякий случай меня еще и в «маскалі» записывают, даже в агенты Москвы. А в Москве я, между прочим, в националистах числюсь. Вот со всех сторон неправильно как-то, что я белорус, и всё тут. А Вы говорите контекст.

Что же касается «не с теми пошел и дорогой не той», так главное здесь не то, с кем и по какой идешь дороге, а чувство пути как некой необходимости. И это чувство приводит к цели, за которой вновь — необходимость пути.

— *Значит ли это, что цель — ничто, движение — всё?*

— Я не знаю, что это значит. Пытаюсь понять — и поэтому пишу.

Беседовал и записал беседу
Валентин Акудович

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОКНО

ГОЛУБИНАЯ ПОЧТА

СТИХИ ПО ПОВОДУ

9 ИЮЛЯ. КНИГА В КНИГЕ
(Стихи в переводах Игоря Шкляревского)

ПОЭМЫ

НЕБЕСНЫЕ ВРАТА
(Маленькие поэмы)

Литературно-художественное издание
Серия «Поэтическая библиотека»

НЕКЛЯЕВ
ВЛАДИМИР ПРОКОПОВИЧ

ОКНО

Стихотворения и поэмы

Выпускающий редактор
Лариса Спиридонова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Вёрстка
Юрий Васильков

Подписано в печать 28.09.2010
Формат 70x108 $^{1}/_{32}$
Бумага писчая. Печать офсетная.
Гарнитура Charter.
Тираж 1500 экз.
Усл.-печ. л. 12,6
Заказ №

«Время»
115326, Москва, ул. Пятницкая, 25
http://books.vremya.ru
letter@books.vremya.ru
(495) 951 55 68

Отпечатано ОАО ИПП «Уральский рабочий»
620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
http://www.uralprint.ru
book@uralprint.ru